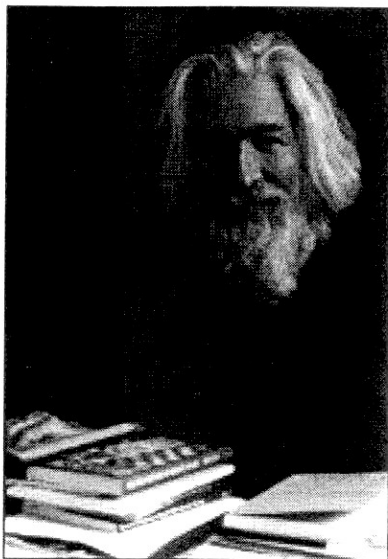

Раймонд Смаллиан

Раймонд Смаллиан

Молчаливое Дао

The Tao is Silent
By Raymond Smullyan

МОСКВА
КАН Н⁺

2012

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ I. ЧТО ТАКОЕ ДАО?	8
1. Китайская философия вкратце	8
2. Дао	9
3. Существует ли Дао?	10
4. Да, но все же существует ли Дао?	11
5. Дао неясно	15
6. Дао бесформенно	19
7. Дао – это таинственная женщина	25
8. У Дао нет имени	27
9. Дао не говорит	32
10. Дао и мудрец: они никогда не спорят	32
11. Я подобен зеркалу	36
12. Дао вездесуще	37
13. Дао не командует	39
14. Дао не высокомерно	42
15. Обожествление Будды	46
16. Погружаясь в Дао	52
17. Дао всегда спонтанно	53
ЧАСТЬ II. ДАО – ЭТО БЛАГО, НО НЕ МОРАЛЬ	59
18. Являются ли люди изначально добрыми?	59
19. Любой путь	61
20. Почему вы помогаете вашим собратям?	69
21. Даосизм против морализаторства	71
22. Не является ли Бог даосистом?	90
23. Дао является добрым, но не моральным	120
ЧАСТЬ III. ДАО – ЭТО ДОСУГ	123
24. О садоводстве	123
25. О собаках	125
26. Искусство управления	128
27. О себялюбии	130
28. Себялюбие и альтруизм	134
29. Об эгоизме	137

30. Эгоизм и Космическое Сознание	144
31. О том, чтобы доверяться своей природе	146
32. Пусть все идет своим путем	155
33. О нежелании достигать чего-либо	157
34. О совершении усилий	162
ЧАСТЬ IV. ДАО – ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ПАРАДОКС	172
35. Сумасшедшая философия и здравая философия	172
36. Разве не было бы забавно, если бы... ..	174
37. Сон	178
38. Астрология	179
39. Два дзен-инцидента	189
40. Две версии истории о Банкеи	194
41. Вымышленная дзен-история	198
42. Почему мы иногда неверно понимаем?	199
43. Мондо о бессмертии	202
44. Видишь ли ты суть?	202
45. Просветление	205
46. Вечерняя прохлада	208
47. Когда время созреет	210

ет от всякого определения? Если оно существует, то на что же оно похоже? Каковы его свойства?

Прежде чем перейти к этим вопросам, позвольте мне рассказать вам о Дзен-Мастере, которого ученик спросил: «Что есть Дао?» Тот ответил: «Я расскажу тебе об этом после того, как ты за один глоток выпьешь всю воду Западной реки». Ученик сказал ему: «Я уже выпил за один глоток всю воду реки». И мастер сказал: «Тогда я уже ответил на твой вопрос».

3. Существует ли Дао?

Дао выше существования
и несуществования.

Существование – это для людей, которые
пользуются словами.

Но Дао не пользуется словами.

Оно молчаливо, как цветок.

Слова выходят из Дао –

Дао *творит* слова,

Но оно не пользуется ими.

В «Алисе в Стране чудес» Белый Кролик в сцене суда читает туманные стихи, которые не имеют никакого отношения к делу. Король триумфально восклицает: «Это наиболее важная часть свидетельств из всего выслушанного нами». Алиса решительно противоречит ему: «Я не верю, что имеется хоть крупица смысла в этом». Тогда король говорит: «Если в этом нет смысла, тогда, знаешь ли, меньше хлопот, поскольку тогда нам и не надо искать какой-то смысл».

Я хотел бы сделать подобный комментарий о даосистах. Так как даосисты не утверждают, что существует Дао, это освобождает их от хлопот по доказательству того, что Дао существует. Это и есть китайский здравый смысл в высшем его проявлении!

Сравните ситуацию с историей западной религиозной мысли! Боже праведный, прорва споров, битв, крови и пота по поводу того, существует Бог или нет! Этот вопрос кажется более важным, чем проблема жизни и смерти. Любой ценой христианин должен убедить язычника и атеиста в том, что Бог существует, дабы спасти душу убеждаемого. Любой ценой атеист должен убедить верующего в том, что Бог есть детское и примитивное суеверие, наносящее чудовищный ущерб социальному прогрессу. И между ними разворачивается битва. А в это время даосистский Мудрец сидит около ручья, вероятно, с книгой стихов, бокалом вина и рисовальными принадлежностями, радуясь до глубины своего сердца Дао и не беспокоясь о том, существует ли оно. Мудрецу не надо утверждать Дао: он слишком занят, наслаждаясь Дао.

4. Да, но все же существует ли Дао?

Однако как вы настойчивы! Ну ладно, я скажу кое-что по этому поводу. Даосист не уподобляется западному агностику, который говорит, что он не знает, существует ли Бог. Западный агностик скажет: «По простой аристотелевской логике мы знаем, что Бог либо существует, либо нет, но у нас нет подтверждений ни для того, ни для другого. Поэтому естественно подождать до тех времен, когда такие свидетельства появятся». Даосист же смотрит на эти вещи

по-другому. Он не «откладывает приговора» о том, существует ли Дао. Этот вопрос просто не приходит ему в голову. А если кто-нибудь спросит его об этом, даосист будет считать вопрос неясным, бессмысленным, не относящимся к делу и даже странным. В этом отношении он весьма схож с западным логическим позитивистом, хотя и по другим причинам. Если вы спросите логического позитивиста, существует ли Дао, он объявит этот вопрос «бессмысленным». Он сначала потребует определить слово «Дао». Ну а если вопрос на самом деле не имеет смысла, я буду просто счастлив, так как могу тогда ответить: «Если в нем нет смысла, это спасает меня от многих хлопот, поскольку нам не нужно искать этот смысл».

В этот момент вы придете в ярость и скажете: «Довольно уходить от проблемы! Все-таки существует Дао или нет? Эта вещь *реальна*, или же это фантазия?»

Ну что ж, аналогичные вопросы о существовании задавались и в других областях, и усилия получить на них ответы были столь же тщетны. Есть, например, такой метафизический спор по поводу существования универсалий – таких вещей, как *краснота*, *треугольность*, *красота*, *блага* и т.д. Существует ли *краснота*? Если существует, то где, сколько она весит, какова ее форма, каков цвет? (Нельзя ли сказать, что краснота является красной? Вряд ли!) Существует ли краснота вообще? Некоторые наивные люди говорят: «Конечно, краснота существует; посмотрите на розы, на губную помаду, на красные яблоки и на другие красные вещи». Но это означает лишь, что существуют некоторые *вещи*, которые являются красными, но при этом никоим образом не доказано, что существует некоторая сущность, называемая «краснотой». Проблема существования подобных сущностей была одной из основных в исто-

рии западной философии. Те, кто называются «номиналистами», отвечают на этот вопрос отрицательно. Они, конечно, допускают существование отдельных красных вещей, но отрицают существование такой сущности, как «краснота». Они рассматривают слово «красный» в качестве *прилагательного* (поскольку имеются красные вещи), но при этом полагают недопустимым использование слова «краснота» в качестве *существительного*. Они склонны отрицать, что слово «краснота» обозначает что-либо; они не верят, что «краснота» является *именем* чего-либо вообще. С другой стороны, «реалисты» (иногда называемые также «платонистами») полагают, что слово «краснота» и в самом деле вполне допустимо в качестве существительного – оно является именем красноты. Эти люди полагают, что слово «красный» может правильно использоваться и как прилагательное, и как существительное. Оно используется как прилагательное, например, в предложении типа «Это яблоко красное»; оно используется как существительное в предложении типа «Одним из основных цветов является красный». И реалист верит в то, что «красный» действительно является именем; это имя красного цвета.

Подобная аргументация типична для спора между реалистами и номиналистами и в отношении других «универсалий». Реалисты, подобно Платону, верят в существование *Красоты*, *Блага*, *Истины*, в то время как номиналисты полагают, что некоторые произведения искусства красивы, некоторые действия заслуживают названия «благих», а некоторые суждения могут быть поименованы «истинными».

Люди, не очень-то хорошо знакомые с математикой, удивятся, узнав, что такой же спор ведется и в такой области, как основания математики. Непосвященные ошибочно полагают эту область исследования свободной от споров

и противоречий. Но это весьма далеко от истины! Так называемые математические реалисты (или классицисты, или «платонисты») полагают, что существует мир лингвистических математических сущностей, таких как «числа, множества, точки, функции, группы, топологические пространства» и т.д., и что целью математики является открытие и доказательство различных утверждений об этих сущностях. Утверждения при этом являются *истинными*. С другой стороны, так называемые математические «формалисты» считают, что так называемые математические сущности являются не чем иным, как плодом воображения. Единственной реальностью являются символы, используемые для их выражения. Поэтому интересы математического формалиста оказываются чисто лингвистическими. Для него математика является исследованием цепочек символов, называемых «формальными выражениями», и того, как манипулировать ими в соответствии с предписанными в изучаемой системе правилами. Сами по себе выражения не выражают ничего! И формалист (подобно номиналисту) отрицает существование вещей типа «числа» как нечто такого, что выходит за пределы лингвистического выражения.

Мы могли бы подобным же образом подойти к проблеме существования Дао. Есть, вероятно, и такие люди, которые хотели бы отрицать использование слова «Дао» в качестве существительного. Они отказываются верить в существование сущности, называемой «Дао». Но в то же время они готовы рассматривать как вполне осмысленное прилагательное «даосистский». Для всех знатоков китайского искусства и мысли совершенно очевидно – даже если у них нет никаких метафизических склонностей – что некоторые работы являются более даосистскими, нежели другие. Например, в их среде общепринято, что ландшафт-

ты Суньской эпохи более даосистские, нежели живопись Танской эпохи. Таким образом, мало кто будет возражать против использования слова «даосистский», хотя многие при этом могли бы протестовать против слова «Дао».

Некоторые из вас могут заподозрить меня в том, что я избегаю вопроса о том, существует ли Дао. Я мог бы ответить, что на такой вопрос нет определенного ответа. «Но, – вы могли бы возразить, – у вас же есть какая-то личная точка зрения на этот вопрос?»

Допустим, что вы приперли меня к стене и потребовали от меня ответа: «Смаллиан! Перестань увливать! Верить ты или нет в существование Дао?» Что я должен был бы ответить на это? Это зависит от того, в каком состоянии духа в тот момент времени я бы находился – восточном или западном. Если бы я был в западном состоянии (и оставался верным дуализму существование–несуществование), тогда, поскольку я склонен к платонизму, я ответил бы: «Да, Дао существует». Но, предположим, что я нахожусь в восточном состоянии духа. Если вы спросите Дзен-Мастера о том, существует ли Дао, он наверняка отвесит вам тумака. Но поскольку я нахожусь в более спокойном состоянии, скорее всего, я просто улыбнусь (вероятно, несколько снисходительно) и предложу вам чашечку чаю.

5. Дао неясно

Дао Бесформенно и Неясно!
Оно Скрытно. Таинственно и Темно!
Оно источник всех вещей!

(Лао Цзы)¹

¹ Выдержки из Книги Дао Дэ Дзин.

Если кто-нибудь попросил бы меня определить слово «Дао», я не смог бы сделать этого. Означает ли это, что мое представление о нем расплывчато и неточно? Думаю, что так оно и есть. Но, что довольно странно, оно не туманнее, чем большинство из моих жизненных понятий! Такие слова, как *красота, доброта, истина, свобода, детерминизм, хорошо, плохо, ум, материя*, все равно неясны – по крайней мере в том, когда я использую их. Заметим, что идея о том, что Дао неясно, имеет интересную особенность: само Дао неясно, и так ли уж странно то, что наша идея о нем неясна? В конце концов, если понятие о чем-то должно быть точным, не должно ли быть так, что отражение, картина, копия, производимые идеей, будут «похожи» на объект? Вероятно, ответ на этот вопрос будет «нет», но позвольте мне предположить «да», потому что следствием этого будет нечто любопытное и интригующее: если «изобразительная теория» познания верна, и если Дао действительно неясно, тогда любое точное понятие Дао будет неточным *благодаря этой своей точности!* То есть точное понятие Дао радикально отличается от Дао в том, что идея точна, а Дао – нет, а, значит, идея должна быть неадекватной. Другими словами, адекватная идея Дао должна быть так же расплывчата, как и само Дао.

Нет нужды говорить, что в моих аргументах можно найти кучу изъянов. Во-первых, «изобразительная теория» познания подозрительна. В самом деле, я, честно говоря, считаю эту теорию немыслимо странной. Идея об идее, *похожей* на объект. Что значит для идеи походить на объект? Я понимаю, что означает «иметь идею об объекте», но чтобы идея была похожа на объект – ну что за абсурд! (Некоторые говорят, что идея похожа на объект в смысле изоморфизма. Но, честно говоря, изоморфизм для меня явля-

ется слишком богатым видом сходства!) Одним словом, я никак не принимаю «изобразительной теории» познания, и поэтому первая посылка моего аргумента ложна. Ну а что со второй посылкой – о том, что Дао неясно? Она тоже может быть подвергнута сомнению. В самом деле, ведь можно сказать, что вещь вообще не может быть неясной, неясной может быть только идея. Другими словами, неясность может быть свойством утверждений или идей, но не вещей. Я склонен согласиться с этим. Я сомневаюсь в том, что объект может быть неясным. И все же очевидно, что Дао неясно. Отсюда следует, что Дао вовсе не вещь!

Любопытно, что я привел второе в мире доказательство того, что Дао не «вещь», – доказательство факта, впервые установленного ранними даосистами (около 500–600 лет до н.э.). Более раннее доказательство было интересным и поучительным, и в некотором смысле оно предвосхитило современное математическое различие множества и класса. Суть доказательства в том, что поскольку Дао есть нечто, через которое происходят все вещи, оно само не может быть вещью!

Когда несколько раньше я говорил, что привел второе доказательство того, что Дао не вещь, я использовал слово «доказательство» насмешливо (как будто можно доказать что-либо о Дао!). Ясно, что я ни черта не доказал! Вы просто вспомните мое «доказательство». Я сказал, что вещь не может быть неясной, но Дао неясно, и отсюда Дао не вещь. Но откуда я знаю, что Дао неясно на самом деле? Хороший вопрос! Откуда я знаю это? И знаю ли я это? Ответ будет, конечно, «нет». Нет, я не знаю, что Дао неясно, но самое смешное в том, что хотя я не знаю, неясно ли Дао, Дао в любом случае неясно! (К счастью, неясность Дао независима от знания его неясности.) «Но, – воскликните вы, –

разве вы не предполагаете той самой вещи, которую стараетесь доказать?» Мой ответ будет «нет», и по двум причинам: во-первых, я не предполагаю, что Дао неясно, я просто говорю вам, что оно неясно. Во-вторых, я не верю тому, что нужно доказывать, что Дао неясно, потому что я не верю, что это вообще может быть доказано. В самом деле, если бы это могло быть доказано, тогда это могло бы быть известно, а так как я не верю, что это может быть известно, я не верю, что это может быть доказано.

На этом этапе возникает вопрос – а почему бы не принять ли более рациональный научный подход к этой проблеме? Хорошая идея! Я это сделаю, я подойду к этому как приличный аналитический философ – или, еще лучше, как логический позитивист. Первая вещь, которую мне нужно при этом сделать, – проанализировать утверждение «Дао неясно». Что там с этим утверждением – истинно оно или ложно? Ну ясно, что любой логический позитивист скажет вам, что оно ни истинно, ни ложно, а попросту бессмысленно. (Подобно тому, как бессмысленно утверждение «Абсолют прекрасен».) И в самом деле, позитивисты могут доказать вам, что утверждение бессмысленно. Они дадут вам абсолютно точное – и совершенно ясное – определение *осмысленного*, и с помощью безупречной логики покажут, что утверждение не подходит ни под истинное, ни под ложное – оно слишком *неясное*, чтобы быть истинным или ложным. Да, позитивисты уверят вас в том, что само утверждение «Дао неясно» абсолютно неясно!

И удивительное дело – как раз в этом случае позитивисты оказываются действительно правыми. Они даже больше правы, чем думают! Утверждение «Дао неясно» не только неясно и бессмысленно с точки зрения смехотворного ограниченного понимания *осмысленности*, принятого

позитивистами, но оно действительно неясно в абсолютном смысле! В самом деле, это одно из самых неясных утверждений, которое я только знаю. Оно прекрасно и восхитительно неясно – почти так же неясно, как само Дао!

6. Дао бесформенно

§ 1. Определимо ли Дао?

Дзен-буддизм может быть рассмотрен как комбинация китайского даосизма и индийского буддизма с японской спецификой. Трудно сказать, можно ли назвать Дзен *философией*. Дзен, как неоднократно повторяют его последователи, является, скорее, образом жизни, множеством установок, определенного рода гештальтом, а не системой когнитивных осмысленных предложений. Я думаю, что в этом утверждении есть много истинного, но, подобно многим таким утверждениям, оно является преувеличением. Я верю, конечно, что Дзен есть скорее «способ жизни» (*way*), нежели «доктрина», но я не верю, что Дзен вовсе лишен доктрины (на самом деле, я не знаю такой доктрины, которая вообще была бы лишена доктрины). И мне кажется, что одна из вещей, определенно утверждаемых в Дзен, – это идея о том, что трансцендентное следует искать прямо в имманентном. В самом деле, трансцендентное и имманентное тождественны. Это видно из следующего Дзен-стиха:

Когда дикая птица поет свои песни
с вершин деревьев,
Ее голос несет послание патриарха.

Когда в горах распускаются цветы,
Их полный смысл приходит
с их ароматом¹.

И, конечно, идея, что трансцендентное находится прямо в имманентном, точно выражена в хорошо известном случае с Мастером, который на вопрос «Что есть Дао?» ответил: «Твой повседневный ум».

Кто-нибудь может спросить: «Если Дао есть просто обыденный ум, почему же оно называется Дао, почему бы просто не назвать его обыденным умом?».

На этот вопрос чрезвычайно трудно ответить логически. Во-первых, я полагаю совершенно ошибочным интерпретировать утверждение «Дао есть повседневный ум» как «Дао есть повседневный ум, и *ничего больше*». С моей точки зрения, едва ли в утверждении «Дао есть повседневный ум» слово «есть» приравнивает Дао к повседневному уму, то есть отождествляет две эти концепции. Я бы сказал, что Дао есть повседневный ум и *кое-что еще*. Действительно, в Книге Дао Дэ Дзин говорится, что Дао предшествует Небу и Земле. Но как же повседневный ум может предшествовать Небу и Земле? Может, оно и так, кто знает! В любом случае, я нахожу утверждение «Дао есть повседневный ум» чрезвычайно просветляющим, если его конечно не толковать чересчур буквально.

Но вы можете продолжать настаивать на том, почему бы все-таки не называть Дао, если оно – повседневный ум, повседневным умом? И тогда что в точности есть Дао, как можно было бы определить его?

¹ Chang Chung-yuan. Creativity and Taoism (Harper and Row, 1970). P. 113, 187.

Это слово переводилось по-разному: *Бог, Природа, Абсолют, То, через что вещи оказались существующими, Великая Пустота, Путь, Способ жизни* и т.д. Мое любимое определение такое: «причина, по которой вещи таковы, каковы они есть». И все же я должен спросить: все эти определения – восхитительные и обнадеживающие, каковы-ми они являются, – действительно ли они проясняют наше понятие Дао? И действительно ли нужно, чтобы это понятие было прояснено?

Некоторые говорят, что слово «Дао» непереводимо, другие – что оно неопределимо. Является ли первое утверждение таким уж удивительным? Те из вас, кто знает хотя бы один иностранный язык, знают, что некоторые слова можно перевести с оригинала лишь приблизительно, поскольку в другом языке они не имеют точного эквивалента. А теперь рассмотрим утверждение, что слово «Дао» неопределимо. Это утверждение вызывает большие сомнения у тех, кто гордо называют себя критическими мыслителями. Но оправданны ли эти сомнения? Многие чересчур категорично заявляют, что, до тех пор, пока не определены все слова, тот, кто их употребляет, не знает, о чем говорит. Да, есть такая странная доктрина, по которой неспособность определить значение свидетельствует об отсутствии значения вообще. Я хотел бы тут апеллировать к мудрому философу Витгенштейну, который сказал: «Не смотри на значение, смотри на употребление!». Это может быть ключом к пониманию дела. Хотя я мог бы сделать дальнейший шаг и сказать, что значение и есть употребление, – по крайней мере, реальное значение есть употребление. Для меня реальное значение термина есть вся совокупность его употреблений и ассоциаций, связанных с этим термином. А как все это может быть схвачено в коротком определе-

нии? Следовательно, если вы хотите на самом деле узнать значение слова *Дао*, – как его употребляют даосисты, – вы не можете ожидать этого от краткого определения. Чтобы понять истинное значение термина «Дао», нужно выбрать сотни и тысячи случаев действительного использования этого термина. И это не все. Для понимания концепции Дао нужно быть хорошо знакомым с поэзией и живописью в даосистском стиле (включая, наверное, каллиграфию), в которых даосистское ощущение реальности нашло полное воплощение. Короче, чтобы понимать концепцию Дао, нужно полностью погрузиться в философию и искусство даосизма.

После того как вы сделали это, перебрав многотысячное множество значений слова «Дао» через его употребление, вы можете постараться быть умнее и попытаться составить единое определение так, чтобы оно охватывало все эти случаи. Но даже если вы преуспеете, как пусто будет ваше определение для тех, у кого нет вашего конкретного опыта настоящего пребывания в философском мире!

§ 2. В каком смысле Дао реально?

Некоторые могут возразить, что Дао известно только через мистический опыт. Но что это за мистический опыт? Почти каждый знает, что такое эстетический опыт. Но что такое мистический опыт? Они могут близко соотноситься, но я вряд ли сказал бы, что они идентичны! Для меня мистический смысл отличен от эстетического смысла, как, впрочем, и от чувства юмора.

Но что такое этот мистический смысл и что такое этот мистический опыт? Или это витающее в воздухе нечто, или же ощущение чего-то? И если это ощущение чего-то, то

это ощущение реального или же существующего только в воображении?

Так много споров по поводу этого странного понятия! Многие психологи мистицизма весьма пространно доказывают, что мистический опыт не является ощущением чего-либо реального. Они характеризуют мистиков как людей, эмоционально «сдвинутых» (часто как шизофреников или истериков), населяющих свой фантастический мир вещами, которые они не способны найти в реальном мире. С другой стороны, апологеты мистицизма (которые обычно являются философами, а не истинными мистиками) стараются доказать, будто то, что мистики ощущают, является весьма реальным. Ну, так кто из них прав? Ощущают ли мистики нечто реальное или нет?

А теперь предположим, что два человека, один из которых музыкант, а второй чрезвычайно немзыкален, слушают какую-то мелодию. Профан откровенно признается: «Я слышу ноты, но не слышу мелодии». Музыкант уверяет, что в дополнение к нотам он еще слышит и нечто более важное – мелодию! Ну а что это за «мелодия», которую слышит музыкант? Ноты – сами по себе, т.е. звуковые волны слышатся обоими людьми и признаются всеми как существующие реально в чисто физическом смысле. А вот как быть с мелодией? Существует ли она реально? Или же она существует в уме или в воображении? Весьма странный вопрос! Было бы неверно говорить о том, что мелодия существует только в воображении; музыкант, который говорит о мелодии, не воображает ее себе. Нет, мелодия является весьма реальной вещью, хотя на более тонкий вопрос о том, существует ли она в уме, я не могу ответить. Как бы то ни было, я не думаю, что так уж много народу не согласится со мной, когда я скажу, что мелодия существует

реально. Реально в том смысле, в каком реально Дао. Истинные даосисты (или так называемые мистики других религий и даже нерелигиозные мистики) прямо воспринимают то, что они называют Дао (а другие – Богом, Природой, Абсолютом, Космическим Сознанием), точно так же, как музыкант воспринимает мелодию. Музыканту не нужно иметь веру в то, что мелодия является реальностью, или апеллировать для этого к авторитетам, у него есть прямое восприятие самой мелодии. И как только мелодия услышана, больше невозможно сомневаться в ней.

Но как же прямо воспринимается Дао? Ну а как прямо воспринимается мелодия? Через органы слуха? Не совсем! Физический процесс слушания играет важную роль, но этим дело не исчерпывается. У профана имеется в этом смысле все, что и у музыканта, и все же музыкант слышит мелодию, а профан – нет. Так что при употреблении фразы «слышать мелодию» мы имеем в виду нечто большее, чем «слышать звуки». При этом полагается, что мелодия представляет собой нечто большее, чем группу звуков. Это звуки вместе с некоторым порядком или суперструктурой, каким-то образом на них наложенными.

Некоторые могли бы сказать, что Дао есть не что иное, как физическая вселенная. Но при этом было бы упущено главное – это все равно, что сказать, что мелодия есть просто группа звуков, и ничего больше. Лучше было бы сказать, что вселенная так же соотносится с Дао, как группа нот соотносится с мелодией.

7. Дао – это таинственная женщина

Долина Духа никогда не умирает.
Она именуется Таинственной Женщиной.
И из этой Таинственной Женщины
Появились на свет Небо и Земля.
Она все время с нами, и пока
Ты черпаешь в ней жизнь,
Она никогда не иссякнет¹.

Лао Цзы.

Итак! Дао – это таинственная женщина! Не удивительно, что я люблю Дао. Разве может быть что-либо очаровательней, чем таинственная женщина? Таинственная женщина восхитительна по двум причинам: (1) она женщина; (2) она таинственна. Да, пожалуй, женственность и таинственность являются самыми очаровательными вещами в жизни. Но еще и соединенные вместе! Боже праведный, что может быть более божественным? В соединении они гораздо более интригующие, нежели обе по отдельности.

Другими словами, таинственная женщина вдвойне привлекательнее, нежели женщина без тайны, или нечто таинственное, но не женщина. Поэтому неудивительно, что я так люблю Дао.

Тут я постараюсь подойти к делу с психоаналитической точки зрения. Вероятно, я должен спросить себя, почему я люблю таинственных женщин. Может быть, имеется какая-то определенная таинственная женщина в моей жизни, являющаяся прототипом остальных женщин? Ну, что ж, посмотрим! Вот моя жена. Она женщина, и по большей

¹ The Way and Its Power (Grove Press, 1958). P. 171

части весьма таинственна. Ну а теперь, мои подружки. Ну, и они были женщинами, и в той или иной степени были таинственными. Это все? Да, это все, что я могу придумать. Но, может быть, что-то ушло в результате подавления? Что бы это *могло* быть? Посмотреть бы в мои мозги. А теперь посмотрим, а не говорит ли даосизм что-нибудь, что Дао является *матерью* вселенной? Слово «мать» кажется существенным в этом контексте. Что же оно символизирует? Мою мать, конечно же! Мою мать во плоти и крови! Как я раньше не подумал об этом? Может быть, моя мать самая таинственная женщина в моей жизни. Ну-ка, посмотрим. Моя мать была женщиной (что не удивительно), и она определенно была таинственной. Прекрасно и величественно таинственной в истинно викторианской традиции! Так может быть, *она* и была таинственной женщиной в моей жизни! Ну, ну, посмотрим!

Теория Эдипова комплекса замечательна и предлагает массу интересных интерпретаций (например, что нас влечет только к матери). Когда европейцы услышали об этом впервые, они были шокированы. Ну, а теперь на Западе принимают эту теорию как само собой разумеющееся – они проглотили наживку, крючок и леску! Наиболее «передовые» начинают уже отворачиваться от теории. (Действительно, некоторые молодые психиатры, которых я знаю, серьезно подозревают, что Фрейд был «слишком романтически настроен».) С моей точки зрения, наиболее восхитительная реакция на Эдипов комплекс – это реакция китайцев, которые, когда они услышали о ней, ни в коей мере не были шокированы, но и не подпали под ее влияние. По большей части они удивились и развеселились – да, они веселились! Они смеялись и рассматривали теорию как восхитительно веселую и смешную! Я думаю, что в душе

я китаец, потому что моя реакция была точно такой же. Это не потому, что я отрицаю истинность или значимость Эдипова комплекса, но все равно я нахожу эту идею чрезвычайно смешной. Ну разве не смешно, что мужчина должен специально выделять свою мать как ту женщину, к которой бы его *не* влекло или к которой бы его *особенно* влекло? Нельзя ли принять нормальный взгляд на это дело и считать мать просто одной из многих очаровательных таинственных женщин, которых знает мужчина?

Говоря о таинственных женщинах, я должен сказать, что я не встречал женщин, которые не были бы таинственны. Для меня все женщины таинственны! И я люблю их за таинственность и женственность. Но идея единственной таинственной женщины, с моей точки зрения, есть романтическая выдумка. Как я понимаю, таинственная женщина является не конкретным лицом, но чем-то родовым, объемлющим всех конкретных таинственных женщин. А обобщенная таинственная женщина не имеет определенных очертаний и неясна – совсем как Дао.

8. У Дао нет имени

Ну, а теперь это заходит слишком далеко! Когда даосисты говорят, что у Дао нет имени, даже я – со всей своей восточной философией – оказываюсь слишком западным и не могу сдержать протеста. Конечно же, у Дао есть имя. И ясно, что это имя – «Дао». В самом деле, рассмотрим следующий диалог.

Восточник: Дао не имеет имени.

Западник: Что не имеет имени?

Восточник: Дао.

Западник: Ага! Вот вы и назвали его.

В этом диалоге я позволил западнику одержать верх. А теперь, когда я отдал долг западной логике и семантике, позвольте мне сказать, что я думаю по этому поводу на самом деле.

Забавно то, что если я услышу фразу «Дао безымянно», а не фразу «Дао не имеет имени», я прореагирую совсем по-другому. Можно было бы сразу спросить: «Но какая логическая разница между этими двумя фразами?» Ну, с логической точки зрения разницы нет. Но правильно ли подходить к Дао логически? Это весьма интересный вопрос, но не буду отвечать сейчас на него. Как я сказал, между этими двумя фразами нет логической разницы, но есть разница психологическая. Откуда я знаю об этом? Ну, уже то, что я реагирую на эти фразы по-разному, говорит о том, что между ними есть какая-то психологическая разница. Утверждение «Дао не имеет имени» немедленно пробуждает во мне аналитическую западную прыть, проявляющуюся в критическом подходе, в то время как утверждение «Дао безымянно» вгоняет меня в приятную восточную дрему. Оно представляется более расплывчатым и, будучи таковым, оно позволяет всякого рода интересные и заманчивые интерпретации. Некоторые люди очень критично относятся к расплывчатым утверждениям. Я же критично отношусь к точным утверждениям; ведь они бывают неверными. А что относительно тех, которые бывают истинными? Как их сравнить с расплывчатыми утверждениями? Ну, это зависит от многих обстоятельств. В некоторых контекстах требуется хорошее точное утверждение, а в других – расплывчатое. Нужно иметь в виду, что у точного

утверждения точно одно значение, а расплывчатое может иметь много интересных и плодотворных значений.

Однако я отклонился. Правда, неясно, *от чего* я отклонился, так как вся дискуссия фантастически расплывчата, но у меня такое чувство, что я отклонился от чего-то. А что же представляет собой это что-то? Позвольте мне вернуться к фразе «Дао безымянно», которую я нахожу в высшей степени вдохновляющей, таинственной, поэтичной и прекрасной. Но что она *означает*? Возможно, что она вообще ничего не означает! Если бы это было так, то это избавило бы нас от необходимости искать ее значение. Но мне кажется, что есть несколько интересных значений. Означает ли она, что Дао не имеет имени? Нет, это я уже исключил. Может быть, она означает, что нет *подходящего* имени для Дао и что ни одно имя не отдает ему должное? Эта интерпретация поднимает вопрос о некоторых семантических трудностях. В самом деле, что означает для имени отдать должное обозначаемому? Мое имя Раймонд *отдает мне должное*? (Вероятно, да! Мое имя означает *мудрый защитник*.) А что относительно Шалтая-Болтая? В этом случае определенно можно сказать, что имя отдает должное объекту, поскольку сам Шалтай-Болтай мудро объяснял: «Мое имя означает форму, которую я имею». Ну, а относительно имени Дао – отдает ли оно должное Дао? Думаю, что да. Оно, конечно, не означает его формы, поскольку Дао бесформенно, а, скорее, обозначает *способ*, каким оно является. И для этой цели имя Дао служит превосходно!

Так что оказывается, Дао не только имеет имя, но к тому же и само имя превосходно! Поэтому я отвергаю свое предположение о том, что «Дао» не имеет подходящего имени.

Но у меня есть другая идея! Гораздо лучше! Идея потрясающая и фантастическая! Сказать по правде, у меня всегда была мысль рассказать об этом. Что это за идея? Сейчас я расскажу вам о ней.

Разве не может быть так, что в мире есть такие чувствительные объекты, что сам по себе акт *поименования* является причиной их исчезновения? Я не предполагаю, что Дао ведет себя именно так. С моей точки зрения, вряд ли Дао исчезнет, если будет поименовано. Но может быть и так, что Дао настолько чувствительно, что, будучи поименованным, оно слегка изменяется, – и тогда это уже не то Дао, которое было до поименования. В самом деле, если мы отождествим Дао со вселенной, мы имеем тот самый случай, потому что после того, как случилось это событие, вселенная уже не та. Поэтичнее и лучше было бы выразить это следующим образом. Говорят, что Дао подобно зеркалу. Ну, а акт смотрения в зеркало изменяет его состояние, не так ли? Когда вы смотрите в зеркало, оно отражает вас, а когда вы не смотрите, оно ведь не отражает? Разве не затруднительно будет смотреть в зеркало и при этом видеть такую картину, которая была бы, если бы вы не смотрелись в него¹? Так то же самое с Дао! Когда вы поименуете его, оно не может быть не-поименованным Дао, тем, которое существовало до поименования его вами. И это непоименованное Дао более ясно и *более истинно само по себе*, чем поименованное Дао. В этом смысле истинное Дао, непоименованное *Дао* не имеет имени.

Кстати говоря, некоторые даосисты различают Дао, не имеющее имени, и Дао, которое может быть поименовано:

¹ Я полагаю, что ситуация достойна Дзен Коана! (Коан представляет проблему, которая ставится Дзен-Мастерами, и которая не имеет логического решения; ее цель состоит в том, чтобы заставить убедиться в бесполезности логики в вопросах окончательной реальности).

Безымянное, Дао есть источник
Земли и неба
Поименованное, оно Мать всех вещей.

Следуя этой интерпретации, быть может, более уместно говорить об истинном Дао как о безымянном, нежели непоименованным. Оно безымянно, потому что изменяется в процессе обретения имени*. Предположим, что вместо поименования Дао мы просто думаем о нем. Изменяет ли это его? Я подозреваю, что изменяет! Изменяется ли вселенная, когда мы думаем о ней? Конечно, изменяется! Когда человек думает о вселенной, вселенная содержит создание, которое думает о ней, а когда никто не мыслит о вселенной, вселенная не содержит никого, кто о ней думал бы. Ситуация напоминает мне тех эльфов, которые приходят ночью и чистят обувь, но если кто-нибудь зажжет свет и увидит их за работой, они исчезнут и больше никогда не вернуться.

Вероятно, мораль этой истории состоит в том, что Дао нуждается в определенной уединенности и исчезает, когда слишком много любопытствующих глаз и любопытствующих умов. Так что мы можем заключить словами:

Дао лучше всего оставить в покое,
Подобно птенчикам в их гнезде.

* Это напоминает мне принцип неопределенности Гейзенберга, что любое измерение состояния небольшой частицы изменяет само это состояние.

были строги скорее с собой, нежели с другими. Все, что я на самом деле хочу сказать им, таково: «Я хотел бы, чтобы вы оставили себя в покое и перестали биться головой». Вот что я имел в виду, когда говорил «каждый имеет право делать то, что он хочет». Вероятно, еще лучший способ передачи моего послания заключается в том, что если кто-либо верит, что он имеет право делать то, во что он верит, тогда более вероятно, что он захочет делать правильные вещи.

22. Не является ли Бог даосистом?

Смертный: О, Боже, молю Тебя, если у Тебя есть хоть грамм милосердия и сочувствия к Твоему страдающему созданию, освободи меня от *обладания* свободной волей!

Бог: Ты хочешь отвергнуть величайший дар, данный мною тебе?

Смертный: Как можно называть даром то, что мне навязано? У меня есть свободная воля, но не по моему выбору. Я никогда свободно не выбирал, иметь ли мне свободную волю. Я должен иметь свободную волю, нравится это мне или не нравится!

Бог: Почему ты не хотел бы иметь свободную волю?

Смертный: Потому что свобода означает моральную ответственность, а моральная ответственность – это больше, чем я могу вынести!

Бог: Почему моральная ответственность для тебя невыносима?

Смертный: Почему? Честно признаться, я не могу проанализировать, почему; все, что я знаю, что это так.

Бог: Хорошо, в таком случае я могу освободить тебя от моральной ответственности, но оставить тебя со свободной волей. Удовлетворит это тебя?

Смертный (после паузы): Нет, боюсь, что нет.

Бог: Так я и думал! Так что моральная ответственность – это не единственный аспект свободной воли, против которого ты возражаешь. Что еще в свободной воле тревожит тебя?

Смертный: Обладая свободной волей, я способен грешить, а я не хочу грешить!

Бог: Если ты не хочешь грешить, так зачем же ты это делаешь?

Смертный: Боже Праведный! Я не знаю, почему я грешу, я просто делаю это. На меня обрушиваются дьявольские искушения, и хотя я и стараюсь, но не могу противиться им.

Бог: Если ты действительно не можешь противиться им, тогда ты грессишь не по своей свободной воле, и отсюда (по крайней мере, по мне) ты не грессишь вовсе.

Смертный: Нет, нет! У меня все-таки есть ощущение, что постарайся я посильнее, я мог бы избежать греха. Я понимаю, что воля бесконечна. Если кто-либо чистосердечно пожелает не грешить, тогда он и не будет этого делать.

Бог: Ну, тебе лучше знать. А ты-то старался изо всех сил избежать прегрешений или же нет?

Смертный: Честно говоря, не знаю! Во время таких попыток у меня всегда было ощущение, что я стараюсь изо всех сил, но потом у меня возникало сомнение, что, может быть, я не сделал всего!

Бог: Так что, другими словами, ты на самом деле не знаешь, грессишь ты или нет. Поэтому, возможно, ты вообще не грессишь!

Смертный: Конечно, такая возможность существует, но сама мысль о том, что я грешу, пугает меня!

Бог: Почему мысль о прегрешениях пугает тебя?

Смертный: Я не знаю, почему! Во-первых, у Тебя есть репутация сурово наказующего после смерти!

Бог: А, вот что тебя заботит! Что ж ты прямо не сказал об этом вместо всех этих посторонних разговоров о свободной воле и ответственности? Почему бы тебе просто не попросить меня не наказывать тебя за твои грехи?

Смертный: Я реалист в достаточной степени, чтобы знать, что Ты вряд ли примешь такую просьбу!

Бог: Ну не говори! У *тебя* есть реалистическое знание о том, какие просьбы я принимаю, а? Ну тогда я скажу тебе, что я собираюсь сделать! Я сделаю тебе весьма и весьма специфическую скидку, а именно вот что: грехи сколько тебе влезет, и даю тебе божественное слово чести, что никогда не накажу тебя ни за что. Согласен?

Смертный (*в великом ужасе*): Нет, нет, не делай этого!

Бог: Почему? Разве ты не доверяешь моему Божественному слову?

Смертный: Конечно, доверяю! Но разве Ты не понимаешь, что я не хочу грешить? Я уже декларировал сильнейшее отвращение к прегрешению, совершенно независимо от любого наказания, которое может за ним последовать.

Бог: В таком случае я сделаю кое-что получше. Я отниму у тебя твоё отвращение к греху. Вот магические таблетки! Проглоти их, и ты потеряешь всякое отвращение к греху. Ты будешь радостно и весело грешить, не будешь сожалеть об этом, иметь отвращения, и я опять-таки обещаю никогда не наказывать тебя. Ты будешь благословен в вечности. Вот таблетка!

Смертный: Нет, нет!

Бог: Ну, не иррационально ли ты сейчас реагируешь? Ведь я убрал последнее твоё препятствие – отвращение к греху.

Смертный: Все равно я не приму предложения!

Бог: Почему?

Смертный: Я верю, что таблетка действительно избавит меня от отвращения к греху в будущем, но мое нынешнее отвращение достаточно велико и не дает мне принять таблетку.

Бог: Я приказываю тебе принять ее!

Смертный: Я отказываюсь!

Бог: Так ты отказываешься от своей свободной воли?

Смертный: Да!

Бог: Такое ощущение, что твоя свободная воля всегда под рукой, не так ли?

Смертный: Я не понимаю!

Бог: Разве ты не рад, что имеешь свободную волю, что позволяет тебе отказаться от такого ужасного предложения? Как бы тебе понравилось, если бы я заставил тебя проглотить таблетку независимо от того, хочешь ты того или нет?

Смертный: Нет, нет! Пожалуйста, не заставляй!

Бог: Конечно, я не буду; я просто пытаюсь проиллюстрировать мою точку зрения. Хорошо, я изложу ее по-другому. Вместо того чтобы заставлять тебя проглотить таблетку, предположим, я научу тебя оригинальной молитве об устранении свободной воли – но с полным пониманием того, что с момента отсутствия у тебя свободной воли ты *примешь* таблетку.

Смертный: Раз моя свободная воля уйдет от меня, как же я смогу сделать выбор: принять мне таблетку или нет?

Бог: Я не сказал, что ты должен будешь выбрать; я просто сказал, что ты должен будешь принять ее. Ты должен будешь действовать, скажем так, согласно чисто детерминистским законам, природа которых такова, что ты будешь просто вынужден принять таблетку.

Смертный: Я все еще отказываюсь.

Бог: То, что ты отказываешься от моего предложения избавить тебя от свободной воли, это весьма отличается от твоей первоначальной молитвы, не так ли?

Смертный: Теперь я понимаю, к чему Ты клонишь. Твой аргумент превосходен, но я не уверен, что он до конца верен. Есть несколько моментов, к которым надо вернуться.

Бог: Безусловно.

Смертный: Есть две вещи, сказанные Тобой, которые кажутся мне противоречивыми. Сначала было сказано, что невозможно грешить, не обладая свободной волей. Но затем было сказано, что мне будет дана таблетка, которая избавит меня от моей свободной воли, и тогда я смогу грешить, как мне заблагорассудится. Но если у меня больше нет свободной воли, тогда, согласно первому предположению, как же я могу грешить?

Бог: Ты путаешь две отдельные части нашего разговора. Я никогда не говорил, что таблетка избавит тебя от свободной воли, но только то, что она избавит тебя от отращения к греху.

Смертный: Боюсь, что я совсем запутался.

Бог: Хорошо, начнем сначала. Предположим, что я согласен избавить тебя от свободной воли, но при этом ты будешь понимать, что совершишь огромное число действий или поступков, которые ты сейчас считаешь греховными. Попросту говоря, ты не будешь тогда грешить, поскольку станешь совершать эти поступки не по свободной воле. И эти поступки не повлекут ни моральной ответственности, ни моральной виновности, ни какого-либо наказания. Тем не менее, это поступки такого типа, что ты полагаешь их греховными; все они вызывают отвращение, но

твое отвращение исчезнет. Поэтому тогда ты не будешь чувствовать отвращения по отношению к этим поступкам.

Смертный: Нет, у меня уже есть отвращение по отношению к этим поступкам, и это нынешнее отвращение достаточно для того, чтобы удержать меня от принятия Твоего предложения.

Бог: Хм! Давай-ка я буду совсем откровенен. Я понял, что ты больше не хочешь, чтобы я отнял у тебя свободную волю.

Смертный (с колебанием): Нет, не хочу.

Бог: Ладно, не отбираю. Но я не очень-то хорошо понял, почему ты больше не хочешь избавиться от своей свободной воли. Объясни мне еще раз.

Смертный: Потому что, как Ты сказал мне, без свободной воли я буду грешить даже больше, чем я делаю это сейчас.

Бог: Но я же сказал тебе, что без свободной воли ты не можешь грешить.

Смертный: Но если я сейчас делаю выбор и избавляюсь от свободной воли, тогда все мои последующие плохие действия будут греховными, но не в будущем, а в тот самый момент, в который я выбрал отказ от свободной воли.

Бог: Такое ощущение, что ты попал в ловушку, не так ли?

Смертный: Конечно, я в ловушке! Ты поймал меня в отвратительную двойную ловушку. Все, что я ни делаю, все неверно. Если у меня остается свободная воля, я буду продолжать грешить, а если я откажусь от свободной воли (разумеется, с Твоей помощью), я опять-таки буду грешить, делая это.

Бог: Но точно так же ты поймал меня в двойную ловушку. Я готов оставить тебе свободную волю или же ото-

брать у тебя ее, но обе альтернативы не удовлетворяют тебя. Я хочу помочь тебе, но, оказывается, что не могу.

Смертный: Правильно!

Бог: Но поскольку это не моя вина, почему же ты все же недоволен мною?

Смертный: За то, что Ты, прежде всего, поставил меня в столь затруднительное положение!

Бог: Но, по твоим же словам, ничего удовлетворительного я не мог бы сделать.

Смертный: Ты имеешь в виду, что не можешь сделать сейчас ничего удовлетворительного, но это не означает, что Ты ничего не мог бы сделать.

Бог: А что я мог бы сделать?

Смертный: Во-первых, не нужно было мне давать никогда свободной воли. А теперь, когда она уже дана мне, слишком поздно – все, что бы я ни делал, все плохо. Ни в коем случае не нужно мне было давать ее.

Бог: О, вот в чем дело! А почему было бы лучше, если бы я не дал тебе ее?

Смертный: Потому что в этом случае я не смог бы грешить вообще.

Бог: Ну, я всегда рад извлекать уроки из своих ошибок.

Смертный: Что!

Бог: Я знаю, что звучит это несколько самобогохульственно, не так ли? Здесь получается почти что логический парадокс! С одной стороны, как ты уже знаешь, морально плохо для всякого чувствующего существа полагать, что я способен делать ошибки. С другой стороны, я имею право делать все что угодно. Но я также являюсь чувствующим существом. Поэтому возникает вопрос о том, имею ли я право заявлять, что я способен делать ошибки?

Смертный: Это весьма плохая шутка! Одна из Твоих посылок попросту ложна. Я отнюдь не знаю о том, что неверно для любого чувствующего существа сомневаться в Твоем всезнании, поскольку это относится только к смертным. И поскольку Ты не являешься смертным, ты свободен от этого предписания.

Бог: Хорошо, ты понимаешь это на рациональном уровне. Тем не менее, ты был, судя по всему, в шоке, когда я сказал: «Я всегда рад извлекать уроки из ошибок».

Смертный: Конечно, я был шокирован. Я был шокирован, правда, не Твоим само-богохульством (как Ты шутишь сам назвал это), не тем фактом, что ты не имел права говорить такое, но просто тем, что Ты сказал это, так как меня учили, что на самом деле Ты не делаешь ошибок.

Бог: Я не говорил, что это возможно. Я лишь сказал, что *если* я делаю ошибки, я буду счастлив извлечь из них уроки. Но при этом не было сказано ничего о том, было ли реализовано это *если*.

Смертный: Перестань играть словами. Признаешь Ты или нет совершение ошибки, когда Ты дал мне свободу воли?

Бог: Как раз это я и предлагаю исследовать. Позволь мне поразмышлять, почему ты находишься в нынешнем затруднительном состоянии. Ты не хочешь иметь свободной воли, потому что с ней ты можешь грешить, а этого ты не хочешь делать. (Хотя я нахожу это все же странным: в некотором смысле мы все-таки должны хотеть грешить, потому что в противном случае мы этого не делали бы. Но давай пока оставим этот вопрос.) С другой стороны, если ты готов отказаться от свободной воли, тогда ты будешь ответствен за будущие действия. Следовательно, прежде всего, я не должен был давать тебе свободной воли.

Смертный: Точно!

Бог: Я хорошо понимаю твои чувства. Многие смертные – даже некоторые теологи – жаловались, что я несправедлив в том, что я, а не они, решал, что они должны иметь свободную волю, а затем сделал *их* ответственными за их действия. Другими словами, от них ожидается, что они должны жить согласно договору со мной, на который они, прежде всего, никогда не соглашались.

Смертный: Точно!

Бог: Как я сказал, я вполне понимаю это. И могу оценить справедливость жалобы. Но жалоба возникает только из нереалистического понимания истинной сути рассматриваемых вопросов. Я готов просветить тебя по этому поводу, и я полагаю, что ты удивишься! Но подойдем к результату постепенно, через сократический диалог.

Итак, ты сожалеешь, что я вообще дал тебе свободную волю. Я утверждаю, что когда ты увидишь истинные тонкости этого вопроса, ты больше не будешь сожалеть. Чтобы доказать это, я хочу рассказать тебе, что я собираюсь сделать. Я готов создать новую вселенную – новый пространственно-временной континуум. В этой новой вселенной будут рождены смертные вроде тебя – по крайней мере, для всех практических целей. Можно сказать, что ты в некотором смысле будешь рожден заново. Далее, я могу дать этому новому смертному свободную волю, а могу и не дать. Что бы ты порекомендовал мне в этом случае?

Смертный (с огромным облегчением): О, пожалуйста! Сбереги его от обладания им свободной воли!

Бог: Хорошо, я сделаю, как ты сказал. Но ты понимаешь при этом, что этот новый *ты* без свободной воли совершишь самые ужасные поступки.

Смертный: Но они не будут греховными, поскольку я не буду иметь свободной воли.

Бог: Назовешь ты их греховными или не назовешь их таковыми, факт остается фактом, это будут ужасные поступки в том смысле, что они причиняют огромную боль чувствующим существам.

Смертный (после паузы): Боже праведный, Ты опять загнал меня в ловушку! Опять та же самая игра! Если я сейчас дам Тебе «добро» на сотворение этого нового создания без свободной воли, который, тем не менее, совершит ужасные поступки, тогда, конечно, в достаточно истинном смысле, он не будет грешить, но я-то опять буду грешником, дав санкцию на это.

Бог: В этом случае я сделаю лучше! Итак, я уже решил, сотворить нового тебя со свободной волей или без нее. Теперь я записываю мое решение на листке бумаги и пока не показываю его тебе. Но мое решение уже сделано, и оно необратимо. В дальнейшем ты никак не сможешь уже изменить его. А теперь я хочу узнать вот что: на что ты надеешься – какое из двух решений я приму? Помни, что ответственность за решение полностью падает на мои плечи, а не на твои. Так что скажи мне совершенно искренне и без боязни, на что ты все-таки надеешься относительно моего выбора?

Смертный (опять после долгой паузы): Я надеюсь, что Ты решил дать ему свободную волю.

Бог: В высшей степени интересно! Я устранил твое последнее препятствие! Если я не дам ему свободной воли, тогда никакой грех не может быть вменен никому. Так почему же ты надеешься, что я дам ему свободную волю?

Смертный: Грех или не грех, но суть-то заключается в том, что если ты не дашь ему свободной воли, тогда (по крайней мере, согласно Тобой сказанному) он будет приносить страдания людям, а я не хочу видеть людей страдающими.

Бог (с бесконечным облегчением): Наконец! Наконец-то ты уловил суть!

Смертный: А в чем суть?

Бог: Вопрос о грехе не является подлинной проблемой! Важно, чтобы люди, как и другие чувствующие существа, не страдали!

Смертный: У тебя это звучит как-то утилитаристски!

Бог: Я утилитарист!

Смертный: Что!

Бог: Что или не что, утилитарист я. Заметь себе, не утилитарист, а утилитарист.

Смертный: Я просто не верю этому!

Бог: Да, я знаю, твое религиозное воспитание приучило тебя к другому. Ты, вероятно, представлял меня скорее кантианцем, нежели утилитаристом, но твое воспитание ввело тебя в заблуждение.

Смертный: У меня нет слов!

Бог: Оставляю тебя безмолвным! Это, наверное, не так уж плохо – ты слишком много говоришь. Ну а теперь, серьезно, как ты думаешь, почему я дал тебе свободную волю?

Смертный: Почему Ты дал ее? Я никогда не думал особенно много об этом; все, я лишь сейчас пытался доказать, что ты не должен был этого делать! Но почему Ты это сделал? Полагаю, что единственное, что тут можно было бы предположить, это стандартное теологическое объяснение: без свободной воли никому нельзя воздать ни спасением, ни проклятием, поэтому без свободной воли мы не могли бы заработать право на вечное блаженство.

Бог: Весьма интересно! У меня есть вечная жизнь. Ты полагаешь, что я сделал уже что-то такое, за что заслужил вечную жизнь?

Смертный: Конечно, нет! С Тобой – другое дело. Ты уже добр и совершенен (по крайней мере, таково предположение), так что Тебе нет необходимости делать что-либо такое, чтобы заслужить вечную жизнь.

Бог: В самом деле? Мне можно в этом завидовать, а?

Смертный: Я не понимаю Тебя.

Бог: Здесь я вечно благословенен, не страдая, не жертвуя, не борясь против дьявольских искушений. Испытывая блаженство вечного существования, без какого-либо рода «заслуг». Напротив, вы, смертные, должны бороться и страдать, непрерывно вступая в конфликты по поводу проблем морали, и все из-за чего? Вы даже не знаете, существую ли я на самом деле или нет, и есть ли жизнь после смерти, а если и есть, то непонятно, где ваше место. И как бы вы ни старались провозгласить меня «добрым», у вас никогда нет гарантии, что ваше самое «лучшее» качество достаточно хорошо для меня, и поэтому у вас нет уверенности в том, что вы будете спасены. Поразмысли над этим! Я уже *имею* эквивалент «спасения» – и никогда не проходил долгий путь «зарабатывания» его. Не этому ли ты завидуешь?

Смертный: Завидовать Тебе – это богохульство!

Бог: Ну, не надо! Оставь это! Ты говоришь не со школьным учителем, ты говоришь со *мною*. Богохульство это или нет, но вопрос заключается не в том, имеешь ли ты право завидовать мне, а завидуешь ли ты в реальности. Так завидуешь?

Смертный: Конечно, завидую!

Бог: Хорошо! При распространенных сейчас в мире взглядах ты должен завидовать мне. Но полагаю, что при более реалистическом взгляде ты больше не должен завидовать мне. Ты усвоил идею, которой тебя учили, что твоя

жизнь на Земле есть что-то вроде испытательного срока, и что смысл обеспечения свободной волей состоит в испытании, заслуживаешь ли ты благословенную вечную жизнь. Но вот что меня озадачивает: если ты действительно веришь, что я добр и благосклонен, зачем бы мне требовать от людей, чтобы они сначала заслужили счастье и вечную жизнь? Почему бы мне не даровать эти вещи каждому независимо от того, заслужил он их или нет?

Смертный: Но меня учили, что Твое чувство морали – Твое чувство справедливости – требует, чтобы доброта вознаграждалась счастьем, а зло наказывалось страданием.

Бог: Тогда тебя учили неправильно.

Смертный: Но религиозная литература столь полна поведями этого идеала! Возьмем, например, работу Джонатана Эдвардса «Грешники в руках разгневанного Бога». На ней изображен Ты, держащий своих врагов, напоминающих отвратительных скорпионов, над адским пламенем, не давая им упасть в эту бездну, которой они заслуживают, но не попадают туда из-за Твоего милосердия.

Бог: К счастью, для меня тирады типа эдвардсовской никоим образом не являются разоблачительными. Вряд ли можно найти что-либо более неверное в изображениях моей сути. Само название «Грешники в руках разгневанного Бога» уже говорит о многом. Во-первых, я никогда не гневаюсь. Во-вторых, я вовсе не мыслю в терминах «греха». В-третьих, у меня нет врагов.

Смертный: Под этим Ты имеешь в виду, что нет людей, которых Ты ненавидишь или которые ненавидят Тебя?

Бог: Я имею в виду первое, хотя и второе вполне может быть истинно.

Смертный: Ну, не надо! Я знаю людей, которые открыто заявляют о том, что ненавидят Тебя. Временами и я ненавижу Тебя!

Бог: Ты подразумеваешь, что ненавидишь мой образ. А ведь это не одно и то же – я и мой образ.

Смертный: Ты хочешь сказать, что не так уж неправильно ненавидеть Твой ложный образ, но неправильно ненавидеть Тебя истинного?

Бог: Нет, я вовсе не говорил ничего подобного. Я сказал нечто гораздо более сильное! Сказанное мною не имеет ничего общего с правильным и неправильным. Все, что я сказал, сводится к следующему: тот, кто знает меня подлинного, просто психологически не сможет ненавидеть меня.

Смертный: Скажи мне, раз мы, смертные, имеем столь ошибочные представления о Тебе, почему Ты не можешь просветить нас? Почему Ты не направишь нас на путь истинный?

Бог: Почему ты думаешь, что не направляю?

Смертный: Я имею в виду, почему бы Тебе не явиться нам во плоти и не сказать нам просто, что мы не правы?

Бог: Неужели ты столь наивен, что полагаешь меня такого рода существом, которое может явиться во плоти, *явиться* вашим чувствам? Было бы правильнее сказать, что *я* и есть ваши чувства.

Смертный (*удивленно*): Ты есть мои чувства?

Бог: Не только, я даже больше. Эта идея гораздо ближе к истине, чем идея, что я воспринимаюсь чувствами. Я не объект, подобно тебе, я субъект, а субъект может воспринимать, но не может восприниматься. Ты можешь видеть меня не больше, чем свои собственные мысли. Ты можешь видеть яблоко, но событие видения тобой яблока само по

себе не видимо. И я гораздо больше похож на видение яблока, нежели на само яблоко.

Смертный: Если я не могу видеть Тебя, как же я знаю, что Ты существуешь?

Бог: Хороший вопрос! Ну а, вообще, откуда ты знаешь, что я существую?

Смертный: Ну, ведь я же говорю с Тобой, не так ли?

Бог: Откуда ты знаешь, что говоришь со мной? Предположим, ты говоришь психиатру: «Вчера я говорил с Богом». Как ты полагаешь, что он тебе скажет?

Смертный: Это зависит от психиатра. Поскольку большинство из них являются атеистами, я полагаю, что он скажет, что я говорил сам с собой.

Бог: И он будет абсолютно прав!

Смертный: Что? Ты имеешь в виду, что Ты не существуешь?

Бог: У тебя поразительная способность выведения ложных заключений! Из того, что ты говорил сам с собой, разве следует, что меня не существует?

Смертный: Ну, если я полагаю, что говорю с Тобой, а на самом деле я говорю сам с собой, в каком смысле Ты существуешь?

Бог: Твой вопрос основан на двух ошибках плюс путанице. Вопрос о том, говорил ли ты со мной или нет, и вопрос о том, существую я или нет, совершенно разные вопросы. Даже если бы ты не говорил со мною сейчас (а ты говоришь), это все равно не означало бы, что я не существую.

Смертный: Все верно. Поэтому вместо выражения «если я говорю сам с собой, тогда Ты не существуешь», я предпочел бы сказать: «если я говорю сам с собой, тогда, понятно, я не говорю с Тобой».

Бог: Весьма отличное от прежнего утверждение, но, тем не менее, опять ложное.

Смертный: Но как же, если я говорю только сам с собой, я могу говорить с Тобой?

Бог: Ты используешь слово «только» в совершенно неправильном смысле! Я могу указать несколько логических возможностей, в которых твой разговор с самим собой не имеет того следствия, что ты не говоришь со мной.

Смертный: Ну назови хоть одну такую возможность!

Бог: Ну, одна такая возможность состоит в том, что ты и я тождественны.

Смертный: Какая богохульственная мысль – по крайней мере, если бы ее высказал я!

Бог: Согласно некоторым религиям – да! Согласно же другим религиям, это очевидная, простая, непосредственно воспринимаемая истина.

Смертный: Так что единственным выходом из моей дилеммы является признание тождества меня и Тебя?

Бог: Вовсе нет! Это только один путь. Есть и другие. Например, может быть, что ты являешься частью меня, и в этом случае ты можешь говорить с той частью меня, которая есть ты. Или же я могу быть частью тебя, и в этом случае ты, может быть, говоришь с той частью себя, которая есть я. Или же ты и я можем частично пересекаться, и в этом случае ты можешь говорить с общей частью нас и тем самым говоришь и со мной, и с собой. Единственный способ разговора с собой, который исключает разговор со мной, заключается в том, что мы с тобой не пересекаемся – но даже и тогда ты мог бы говорить с нами обоими.

Смертный: Итак, Ты утверждаешь, что существуешь.

Бог: Вовсе нет. Ты опять делаешь ложные заключения! Вопрос о моем существовании тут вообще не возникает.

Все, что я сказал, сводится к невозможности вывести мое несуществование из факта твоего разговора с самим собой, и уж тем паче, из более слабого факта, что ты не говоришь со мной.

Смертный: Все верно, я уловил Твою точку зрения! Но я все-таки хочу узнать, существуешь Ты или нет!

Бог: Что за странный вопрос!

Смертный: А что? Люди задают этот вопрос уже тысячелетия.

Бог: Я знаю это! Сам по себе вопрос не является странным. Я имею в виду, что это самый странный вопрос, обращенный ко *мне*!

Смертный: Почему?

Бог: Потому что я тот самый, в чьем существовании ты сомневаешься! Я вполне понимаю твой интерес. Ты беспокоишься, а не является ли твой нынешний разговор со мной галлюцинацией. Но как ты можешь ожидать получить надежную информацию от существа о его собственном существовании, когда в то же самое время ты подозреваешь несуществование этого самого существа?

Смертный: Так что Ты не скажешь мне, существуешь Ты или нет?

Бог: Дело не в моем нежелании! Я просто хочу указать на то, что ни один ответ, данный мною, не удовлетворит тебя. Хорошо, предположим, я говорю: «Нет, я не существую». Что это доказало бы? Абсолютно ничего! Или же я сказал бы: «Да я существую». Убедило бы это тебя? Конечно же, нет!

Смертный: Ну, если Ты не можешь мне сказать, существуешь ли Ты, кто же вообще может?

Бог: Это как раз то, чего тебе никто не сможет сказать. Это ты сам для себя должен решить.

Смертный: Как же я смогу это сделать?

Бог: Этого тоже никто не сможет тебе подсказать. Это еще одна вещь, которую ты должен решить сам.

Смертный: И Ты никак не можешь помочь мне в этом?

Бог: Я не говорил этого. Я сказал, что нет способа сказать тебе это. Но это не значит, что я не могу тебе помочь.

Смертный: Как же Ты можешь мне в этом случае помочь?

Бог: Я предлагаю предоставить это мне. Мы отклонились от основной темы, и я хотел бы вернуться к вопросу о том, как ты объясняешь мою цель в предоставлении тебе свободной воли. Твоя первая идея в этом вопросе заключалась в испытании тебя – заслуживаешь ли ты спасения. Эта идея приятна многим моралистам, но эта идея кажется просто отвратительной. Ты не можешь придумать более приятного мотива – ну, более человеческого, что ли – предоставления тебе свободной воли?

Смертный: Однажды я задал этот вопрос ортодоксальному раввину. Он сказал мне, что мы так уж устроены, что не можем радоваться спасению, пока не чувствуем, что заработали его. А для того чтобы заработать его, конечно же, требуется свободная воля.

Бог: Это объяснение кажется мне гораздо более приятным по сравнению с предыдущим, но оно все еще далеко от правильного. Согласно ортодоксальному иудаизму я создал ангелов, и у них не было свободной воли. Они являются полным моим подобием и влекомы только добротой, и у них не было ни малейшего искушения к совершению злого. Они действительно не имели свободы выбора. И тем не менее они счастливы в вечности, хотя они и не зарабатывали этого. Поэтому если объяснение твоего рав-

вина было правильным, то почему же я просто не создал только ангелов, а сотворил еще и людей?

Смертный: Понятия не имею! А действительно, почему?

Бог: Потому что твое объяснение попросту неверно. Во-первых, я никогда не сотворял уже готовых ангелов. Все чувствующие существа стремятся к состоянию, которое может быть названо «ангелоподобным». Но точно так же, как человеческая раса находится на определенной стадии биологической эволюции, так и ангелы являются конечным результатом процесса Космической Эволюции. Единственная разница между так называемыми *святыми* и так называемыми *грешниками* заключается в том, что первые невероятно старше вторых. К несчастью, требуется бесконечное число жизненных циклов для приобретения понимания того, что является, по-видимому, наиболее важным фактом во Вселенной, – что зло просто болезненно. Все аргументы моралистов – все их придуманные причины того, почему человек *не должен* совершать злых поступков, – просто бледнеют и становятся незаметными в свете одной основной истины, что *зло приводит к страданию*.

Да, мой дорогой друг, я не моралист. Я всецело утилитарист. То, что я воспринимаюсь в роли моралиста, является величайшей трагедией человеческой расы. Моя роль во все вселенской схеме (если можно только использовать это не очень удачное выражение) вовсе не заключается ни в наказании, ни в вознаграждении. Она заключается в том, чтобы помочь процессу, в ходе которого все чувствующие существа достигают окончательного совершенства.

Смертный: Почему Ты считаешь это выражение не очень удачным?

Бог: То, что я сказал, может вести к непониманию в двух аспектах. Во-первых, было бы неаккуратно говорить о моей роли во Вселенской схеме. Я есть схема всех вещей.

Во-вторых, равно неправильно говорить о том, что я помогаю процессу достижения чувствующими существами просветления. Я есть процесс. Древние даосисты были очень близки к правильной точке зрения, когда они говорили обо мне (кого они называли «Дао»), что я не делаю вещей, и все же через меня все вещи становятся. Говоря в более современных терминах, я не есть причина Космического Процесса, я есть сам Космический Процесс. Я полагаю, что наиболее полным и аккуратным определением меня, которое может сделать человек, – по крайней мере, на этой стадии его эволюции, – что я есть сам этот процесс Просветления. Те, кто хочет думать о дьяволе (хотя как бы я желал, чтобы они этого не делали), могли бы аналогично определить его как неудачный период времени в процессе эволюции. В этом смысле зло необходимо; ведь процесс требует огромного времени, и с этим я ничего не могу поделать. Но, уверяю тебя, как только процесс более правильно понят, болезненное ограничение по времени не будет считаться существенным ограничением или же злом. Этот период времени будет рассматриваться как сущность самого процесса. Я знаю, что это не полностью утешит тебя, который находится сейчас в море страданий, но – удивительная вещь – как только ты осознал этот фундаментальный подход, сами твои ограниченные страдания начнут уменьшаться и окончательно сойдут на нет.

Смертный: Мне говорили об этом, и я разделяю эту точку зрения. Но, предположим, что я лично преуспел в видении вещей Твоими вечными глазами. Тогда я буду счастливее, но нет ли у меня обязательства перед другими?

Бог (*смеясь*): Ты напоминаешь мне буддистов Махаяны! Каждый из них говорит: «Я не войду в Нирвану до тех пор, пока не увижу, что все другие чувствующие существа достигли этого». Так что каждый ждет, пока не начнет его

товарищ. Неудивительно, что это занимает у них столь много времени! Буддисты Хинаяны ошибаются в другом направлении. Они полагают, что никто не может оказать никакого содействия другому в достижении спасения, и каждый из них действует в этом направлении сам по себе. Но сама подобная позиция отстраненности делает спасение невозможным. Суть дела состоит в том, что спасение является частично индивидуальным процессом и частично – социальным. Но огромная ошибка – полагать, как это делают многие из буддистов Махаяны, что достижение Просветления упраздняет, так сказать, помощь другим. Самый лучший способ помочь другим – это самому сначала увидеть свет.

Смертный: Есть одно обстоятельство в Твоем самоописании, вызывающее затруднение. Ты описал себя существом как процесс. Это выставляет Тебя в безличном свете, а ведь так много людей нуждаются в личном Боге.

Бог: Из того, что они нуждаются в личном Боге, следует ли, что я являюсь таковым?

Смертный: Конечно, нет. Но для того, чтобы быть приемлемой для смертных, религия должна удовлетворять их нужды.

Бог: Я понимаю это. Но эта так называемая «личность» существа значит больше для наблюдателя, нежели для самого существа. Споры о том, имею я личностный или же безличностный характер, весьма глупые, поскольку ни та, ни другая стороны не является ни правой, ни неправой. С одной точки зрения я личностен, с другой – нет. То же самое с человеческим существом. Создание с другой планеты может рассматриваться совершенно неличностно, как простое собрание атомов, ведущих себя в соответствии со строго предписанными физическими законами. Оно может иметь по отношению к личности человека не больше чувств, чем средний человек по отношению к муравью.

И все же муравей имеет точно такую же индивидуальную личностность, как и человек, с точки зрения таких существ, как я, которые по настоящему знают, что такое муравей. Рассматривать что-либо неличностно – это правильно или не правильно не в большей степени, чем рассматривать его личностно; но в общем, чем больше вы узнаете кого-либо, тем личностнее для вас он становится. Для иллюстрации моей точки зрения задам тебе вопрос: ты думаешь обо мне как о личностном или неличностном существе?

Смертный: Разве я говорю не с Тобой?

Бог: В самую точку! С этой точки зрения твоя позиция по отношению ко мне может рассматриваться как личностная. И все же, с другой точки зрения – не менее значимой – я могу рассматриваться и неличностно.

Смертный: Если Ты на самом деле представляешь собой такую абстрактную вещь как процесс, я не вижу смысла разговаривать просто с «процессом».

Бог: Мне нравится то, как ты произносишь «просто». С тем же успехом ты мог бы сказать, что живешь в «простой Вселенной». А к тому же, почему все должно иметь смысл? Имеет ли смысл говорить с деревом?

Смертный: Конечно, нет!

Бог: И все же многие дети, а также примитивные обитатели джунглей так думают.

Смертный: Но я то не принадлежу ни к тем, ни к другим.

Бог: К несчастью, я понимаю это.

Смертный: Почему «к несчастью»?

Бог: Потому что дети и примитивные люди имеют интуицию, которая, похоже, тобой утеряна. Честно говоря, я думаю, что для тебя было бы весьма полезно поговорить как-нибудь с деревом, гораздо полезнее, чем со мной! Но мы опять отвлекаемся. Я все-таки хочу, чтобы мы пришли к ответу на вопрос, зачем я дал тебе свободу воли?

Смертный: Я все время об этом думаю.

Бог: Ты имеешь в виду, что не уделял достаточно внимания нашему разговору?

Смертный: Конечно же, я внимательно следил за аргументацией. Но в то же время, на другом уровне, я размышлял и над вопросом о свободной воле.

Бог: Ты пришел к какому-то заключению?

Смертный: Ну, Ты сказал, что дело тут не в том, чтобы проверялось наше почитание Тебя. Ты также отверг идею о том, что мы сначала должны заработать вещи, прежде чем им радоваться и наслаждаться ими. Ты сказал, что являешься утилитаристом. И, что наиболее важно из всего нашего разговора, Ты как будто пришел в восторг, когда я внезапно понял, что не грех сам по себе плох, а страдания, им причиняемые.

Бог: Превосходно! А что еще могло быть плохого в грехе?

Смертный: Ты хорошо знаешь это, и я знаю это. Но всю мою жизнь я находился, к несчастью, под влиянием тех моралистов, которые полагали плохим грех сам по себе. В любом случае, собирая вместе всю аргументацию, я прихожу к заключению, что единственная причина, по которой Ты дал мне свободу воли, состоит в том, что Ты веришь, будто свободная воля позволит людям приносить друг другу вред в гораздо меньшей степени, нежели без нее.

Бог: Bravo! Это самый лучший аргумент из приведенных тобой! Я могу заверить тебя, что если бы у меня был *выбор* давать или нет свободу воли, то причиной дать ее было бы твое соображение.

Смертный: Что! Ты имеешь в виду, что Ты вообще не выбирал, дать или нет свободную волю?

Бог: Мой дорогой друг, у меня не больше возможностей дать тебе свободную волю, чем сделать равносторон-

ний треугольник равноугольным. Я мог бы выбирать, сделать мне равносторонний треугольник или не сделать его, но, уже сделав его, я не имею никакого выбора, как сотворить его равноугольным.

Смертный: Я полагал, что Ты можешь все!

Бог: Только те вещи, которые являются логически возможными. Как сказал Фома Аквинский: «Грех полагать Бога ограниченным во власти его из-за того, что Он не может делать невозможного». Я согласен с философом, за исключением того, что слово *грех* я заменил бы словом *ошибка*.

Смертный: Как бы то ни было, я все еще озадачен Твоим заключением, что Ты не выбирал, дать мне свободу воли или нет.

Бог: Ну, самое время информировать тебя, что вся наша дискуссия – с самого начала – основана на чудовищном заблуждении! Мы говорили на чисто моральном уровне – ведь с самого начала ты сетовал на то, что я дал тебе свободную волю, и поднял вопрос о том, следовало мне давать тебе ее или нет. Но тебе вообще не приходило в голову, что у меня в этом вопросе нет никакого выбора.

Смертный: Я все еще блуждаю во тьме!

Бог: Совершенно верно! Потому что ты способен на это смотреть только глазами моралиста. Более фундаментальный *метафизический* аспект проблемы ты даже и не поднимал.

Смертный: Я все-таки до сих пор не улавливаю, к чему Ты ведешь.

Бог: Перед тем как ты попросил отобрать у тебя свободу воли, не следовало бы тебе сперва спросить, имеешь ли ты на самом деле эту свободу воли?

Смертный: Я полагал это очевидным.

Бог: А почему?

Смертный: Я не знаю. А разве у меня нет свободы воли?

Бог: Есть.

Смертный: Тогда почему Ты говоришь, что это не очевидно?

Бог: Потому что ты не должен был этого делать. Из того, что нечто оказывается истинным, вовсе не следует, что оно должно приниматься на веру как очевидное.

Смертный: В любом случае, приятно знать, что моя естественная интуиция относительно свободы воли оказывается верной. Иногда у меня возникало беспокойство, что детерминисты правы.

Бог: Они правы.

Смертный: Подожди минутку! Есть у меня свобода воли или же нет?

Бог: Я уже сказал тебе, что она у тебя есть. Но это не значит, что детерминисты не правы.

Смертный: Так определяются ли мои поступки законами природы или нет?

Бог: Слово *определяются* в данном случае является весьма коварным, и ведет к сильнейшему заблуждению, которое лежит в основе множества споров детерминистов против сторонников свободы воли. Ясно, что ты поступаешь согласно законам природы, но сказать, что твои поступки *определяются* законами природы, значит создать полностью ошибочное впечатление о том, что твоя воля могла бы противоречить законам природы, и что они в некотором смысле сильнее тебя и могут «определять» твои действия независимо от твоего желания. Но просто невозможно, чтобы твоя воля противоречила природным законам. Ты и естественный закон на самом деле одно и то же.

Смертный: Что Ты имеешь в виду, когда говоришь, что я не могу входить в противоречие с природой? Предположим, что мне предрешено стать очень упрямым и мне *предопределено* не подчиняться законам природы. Что может

остановить меня? Если я стал достаточно упрямым, то даже Ты не можешь остановить меня!

Бог: Ты абсолютно прав! Определенно, я не мог бы остановить тебя, потому что ты не мог бы просто даже начать! Как прекрасно выразил это Гёте: «В попытках противоречить Природе, с самого начала этого процесса мы действуем согласно законам природы!» Разве ты не видишь, что так называемые «законы природы» являются не чем иным, как описанием того, как ты и другие существа *действуют* на самом деле. Они являются просто описанием того, как ты поступаешь, а не предписанием того, как ты должен действовать, и не силой, которая вынуждает или предопределяет твои действия. Чтобы быть значимыми, законы природы должны принять в расчет, как ты на самом деле поступаешь или, если тебе это больше нравится, каким образом ты выберешь действовать.

Смертный: Так Ты на самом деле утверждаешь, что мне невозможно быть предопределенным на поступок, противоречащий законам природы?

Бог: Интересно, что ты дважды использовал выражение «быть предопределенным на действие» вместо «выбрать действие». Это отождествление является весьма распространенным. Часто утверждение «Мне предопределено сделать это» используется синонимично с утверждением «Я выбрал этот поступок». Это самое психологическое отождествление должно проявить гораздо большую близость детерминизма и выбора, нежели это может показаться. Конечно, ты вполне мог бы сказать о доктрине свободной воли, что согласно ей это именно ты определяешь свои поступки, в то время как согласно доктрине детерминизма они предопределяются чем-то извне. Но эта путаница возникает за счет раздвоения реальности – на «тебя» и «не тебя». На самом же деле, где кончаешься ты и начинается

Вселенная? Как только ты сможешь увидеть так называемого «тебя» и так называемую «природу» как непрерывное целое, тебя больше никогда не будут занимать вопросы о том, природа ли контролирует тебя или же ты контролируешь природу. Таким образом, противопоставление свободной воли и детерминизма исчезнет. Если позволишь мне использовать грубую аналогию, представь два тела,двигающихся навстречу друг другу за счет гравитационного притяжения. Каждое из тел, если оно является чувствующим существом, может гадать, кто из них источает эту «силу». В определенном смысле они оба источают ее, а в другом смысле – не источает ни одно из них. Самое лучшее – это сказать, что главным тут является конфигурация двух тел.

Смертный: Ты только что упомянул о том, что вся наша дискуссия основана на чудовищном заблуждении. Но Ты пока не сказал, на каком именно.

Бог: Сама идея о том, что я мог создать тебя без свободной воли! Ты исходил из того, будто бы это была подлинная возможность, и удивлялся, почему я не сделал выбор в ее пользу! Тебе не приходило в голову, что чувствующие существа без свободной воли столь же непостижимы, как физические тела, не оказывающие гравитационного притяжения. (Кстати говоря, аналогия между физическим объектом, оказывающим гравитационное воздействие, и чувствующим существом со свободной волей гораздо сильнее, чем ты это осознаешь!) Можешь ли ты, честно говоря, представить себе сознательное существо без свободы воли? На что бы оно было похоже? Я полагаю, что главным заблуждением в твоей жизни было то, то тебе внушили, будто свобода воли человека – это мой дар ему. Как будто я сначала сотворил человека, а уж затем *одарил* его дополнительным свойством – свободой воли. Может

быть, ты полагаешь, что у меня есть «кисть», которой я «намазываю» свободную волю на одни создания, а с другими я этого не делаю. Нет, свобода воли – это не «дополнение», но сама сущность сознания. Сознание без свободы воли – это просто метафизический абсурд.

Смертный: Тогда зачем Ты играл со мной во время нашей дискуссии? Я полагал проблему моральной, а она, по Твоим словам, оказалась метафизической, и мое основное заблуждение носит метафизический характер.

Бог: Потому что я считаю, что для тебя наше обсуждение будет хорошим лечением в избавлении твоей системы от морального яда. Многие из твоей метафизической путаницы обязаны ложным моральным понятиям, и поэтому нужно было начинать с них.

А теперь нам пора расстаться – по крайней мере до тех пор, пока ты не будешь вновь во мне нуждаться. Я полагаю, что наш нынешний разговор будет тебе поддержкой долгое время. Но помни, что я сказал тебе о деревьях. Конечно, тебе не следует говорить с ними в буквальном смысле, поскольку это было бы глупо. Но ты можешь многому у них научиться, как, впрочем, и у скал, ручьев и других объектов природы. Нет ничего лучше в избавлении от таких отвратительных понятий, как «грех», или «свобода воли», или «моральная ответственность», чем ориентация на природу. На определенном этапе истории такие понятия действительно полезны. Я имею в виду те времена, когда тираны имели неограниченную власть и ничто, кроме страха перед адом, не могло остановить их. Но с тех пор человечество повзрослело, и этот ужасный способ мышления больше не является необходимым.

Быть может, для тебя полезно вспомнить, что я однажды сказал стихами великого дзен-поэта Сен Цзана:

Если хочешь получить чистую правду,
Не связывайся с тем, что хорошо и плохо.
Противопоставление плохого и хорошего
Есть просто болезнь ума¹.

По выражению твоего лица вижу, что ты одновременно и утешен, и в ужасе от этих слов! Чего ты боишься? Того, что твой ум избавится от способности различать, что хорошо и что плохо, и после этого ты совершишь плохие поступки? Что заставляет тебя полагать, что осознание плохого и хорошего на самом деле не ведет к плохим поступкам? Веришь ли ты искренне, что так называемые аморальные люди, когда приходит время действовать, а не морализировать, действуют менее этично, нежели моралисты? Конечно же, нет! Даже многие моралисты признают этическое превосходство в поведении большинства тех людей, которые теоретически занимают аморальную позицию. Они даже удивляются тому, почему без этических принципов эти люди ведут себя весьма мило! Им, этим моралистам, почему-то не приходит в голову, что благодаря как раз отсутствию этих самых моральных принципов поведение людей является хорошим! Разве слова «противопоставление плохого и хорошего есть болезнь человеческого ума» не выражают почти той же мысли, которая заключена в истории о Саде Эдема и падении Человека, вкусившего плодов познания? Это познание, имей в виду, было познанием этических принципов, но не этических чувств, которые у Адама были и до этого. В этой истории много истинного, хотя я и не приказывал Адаму не есть яблоко, я просто посоветовал ему не делать этого. Я сказал, что для него в этом не будет добра. Если бы этот чер-

тов дурак послушался меня, скольких проблем можно было бы избежать! Но нет, он думал, что знает все сам! Мне хотелось бы, чтобы теологи наконец-то поняли, что я не наказывал Адама и его потомков за этот поступок. Плод был сам по себе ядовит, и последствия этого поступка, к несчастью, сказались на бесчисленном количестве поколений.

Ну, а теперь мне по настоящему пора. Я все же надеюсь, что наша дискуссия избавит тебя от этической скверны и даст вместо нее ориентацию на природу. Помни также восхитительные слова, которые я говорил устами Лао Цзы, когда порицал Конфуция за морализирование: «Все эти разговоры о благе и долге, эти непрерывные булавочные уколы нервируют и злят слышащего их. Тебе бы лучше понять, как получилось так, что Небо и Земля продолжают свой вечный путь, что солнце и луна продолжают светить, звезды продолжают сиять, птицы и звери продолжают свое потомство, а деревья и кусты продолжают стоять. Все эти вещи Ты должен понять, дабы направить свои шаги по направлению к Внутренней Силе, следовать Пути, который установлен Природой. Как только Ты поймешь эти вещи, Ты перестанешь говорить об этом благе и долге... Лебедь не нуждается в ежедневной ванне для того, чтобы оставаться белым»¹.

Смертный: Ты определенно привержен восточной философии!

Бог: О, вовсе нет! Некоторые из моих утонченнейших мыслей прекрасно цветут и на американской почве. Например, я никогда не выражался о моем понимании «долга» более выразительно, нежели устами Уолта Уитмена:

Я ничего не делаю в качестве долга
То, что другие делают так, я совершаю импульсивно.

¹ *Watts A. The Way of Zen* (Vintage Books, 1957). P. 115. Русский перевод: А. Уотс. Путь Дзен. Киев, София, 1993.

¹ *Waley A. Three Ways of Thought in Ancient China*. London: Allen & Unwin Ltd, 1953. P. 30, 31.

смысла) и не верит также в жизнь после смерти. Следующая стадия просветления состоит в понимании того, что и жизнь и смерть иллюзорны и имеют существование в чувственном, но не в духовном мире. Еще более высокая стадия просветления заключается в понимании, что все разговоры о жизни и смерти полностью лишены истинности. Например, Будда на вопрос «Есть ли загробная жизнь?» ответил: «Сказать, что она есть, значит пройти мимо сути дела. Сказать, что ее нет, значит пройти мимо сути дела. Сказать, что она и есть и нет, значит пройти мимо сути дела. Все эти вещи не имеют реального отношения к проблеме, суть которой – в спасении».

Таким образом, как я сказал, на определенной стадии просветления становится понятным, что все мысли о жизни и смерти тщетны. Наконец, полностью просветленный человек превосходит даже это понимание и просто перестает думать о жизни и смерти вообще! Следовательно, истинно просветленный человек, слыша вечерний звон, будет просто радоваться его звуку и не будет иметь таких глупых (и «красивых») вопросов о его связи с жизнью и смертью. В этом отношении он похож на моих собак, которые при звуке колокола никогда не будут иметь таких диких идей, как «уходящие мгновения жизни». Тут моя позиция схожа с позицией поэта Башо, который писал:

Восхитителен тот, кто
видя вспышку пламени, не говорит:
«Жизнь пронеслась, подобно вспышке».

47. Когда время созреет

Есть философы – впрочем, как и обычные люди – которые серьезно размышляют или беспокоятся по поводу та-

ких вопросов: «Как я на самом деле появился на свет»; «Как возникла Вселенная?»; «Управляет ли мною кто-либо другой?»; «Почему мир произвел меня, а не кого-либо еще?»; «Где был бы я, если бы материнская яйцеклетка была бы оплодотворена другим сперматозоидом, нежели тот, который на самом деле принимал в этом участие?»; «Что я собой представляю на самом деле?»; «Являюсь ли я умом?»; «Или телом?»; «Или тем и другим?»; «Или ни тем, ни другим?»; «Было ли у меня начало?»; «Будет ли у меня конец?»; «Являюсь ли я причиной этой вселенной или она является причиной меня?»; «Или же дело обстоит так, что я и вселенная соотносимы так, что ни один из нас не может существовать друг без друга?»; «Является ли мое существование необходимым или же случайным?»; «Что все это значит, в конце концов?»

Давайте теперь представим такого вот метафизического исследователя, который задает свои вопросы группе разных людей, и посмотрим, какие же ответы он мог бы получить на них.

Моралист: Что поражает меня больше всего – не считая помпезности подобных вопросов, – так это невероятный эгоцентризм человека! Почти во всех вопросах фигурирует слово *Я*. Как *Я* на самом деле явился в этот мир? Не сотворил ли *Я* вселенную! *Я* прихожу в бешенство! – подумайте только, не создал ли *он* Вселенную! Вероятно, подумай он немного о других людях, его не занимала бы подобная бессмыслица!

Практичный человек: Я согласен с Моралистом. Но даже если отвлечься от моральной стороны, я хотел бы выразить удивление тем, что столь талантливый человек тратит попусту столь много времени на такие безнадежно неразрешимые спекуляции! Неужели ему нечего делать, кроме того как растрчивать свое время на вопросы, которые вся

человеческая раса задает уже тысячи лет и на которые еще никто не ответил. Я не говорю, что он не должен думать над ними, потому что над такими материями время от времени думает каждый человек. Даже мне, когда нечего особенно делать, приходят в голову такие мысли, но я быстро гоню их прочь, потому что я прекрасно понимаю, что размышлять над ними значит попусту терять время. В мире так много нужно сделать, и с моей точки зрения стыдно человеку, способному к серьезной работе, погружаться в трясину спекуляций, никому не нужных.

Логический позитивист: Такие вопросы не только бесполезны, они еще и бессмысленны. Тот факт, что на них никто не ответил до сих пор, не случаен. Дело не в том, что не нашлось достаточно разумных людей, которые могли бы найти ответы; дело, скорее, в том, что ответов нет, поскольку это не настоящие вопросы. Синтаксически они напоминают настоящие вопросы, однако это поверхностное сходство вводит в заблуждение. Но более тщательный и логический анализ показывает, что они вообще не являются вопросами. Следовательно, метафизик не является искателем истины, каковым является подлинный ученый, хотя я вполне допускаю, что метафизик искренне считает себя все-таки искателем истины. Но он, с моей точки зрения, стремится выразить поэтические и артистические эмоции, однако, метафизика является весьма бедным средством выражения подобных эмоций. Как превосходно выразился философ Рудольф Карнап: «Метафизики – это музыканты без музыкальных способностей».

Оппозиционер: Я не могу упустить возможность не согласиться с вами даже в малейшей степени. (Не я выдумал эту потрясающую фразу. Я просто не мог удержаться от того, чтобы привести ее.) Для меня метафизические вопросы абсолютно ясны и исполнены смысла. Мне наплевать,

сколько формальных языков придумал позитивист, и какие есть эмпирические критерии «осмысленности», и сколько «доказательств» бессмысленности метафизики он может привести. Я все равно уверен, что метафизические вопросы осмысленны как и все другие вопросы, по крайней мере, согласно моему пониманию слова «смысл». И не просите меня дать *мое* определение «смысла», потому что это не принесет вам пользы! Оно просто непереводаемо в термины, вам понятные, поскольку оно содержит отвергаемые вами метафизические термины. Если вы спросите меня, почему я как рациональное существо должен принимать как должное бессмысленность метафизических вопросов, я вам отвечу, что для этого нет никакой рациональной причины. Вы либо постигаете смысл, либо нет. И если вы не постигаете, тогда ни какой бы то ни было рациональный анализ «смысла», ни использование формальных языков для определения «критериев» осмысленности не помогут вам ни в малейшей степени.

Я совершенно не согласен с тем, что метафизики – это музыканты без музыкальных способностей. Конечно, метафизика – это и не логика, и не наука – все знают об этом. Даже сами метафизики первыми признают этот очевидный факт. Но из одного только факта, что метафизика полностью отлична от математики и науки, не следует, что она должна быть искусством, поэзией или музыкой. Всякий, у кого имеется мало-мальский вкус к метафизике, знает, что метафизический смысл отличен от эстетического смысла в той же мере, в какой он отличен от рационального смысла. Метафизика – это не какое-то низшее искусство, это вообще не искусство; это нечто, совершенно отличное от них.

Временами я удивляюсь тому, каковы реальные психологические основания позитивистской атаки на метафизику. Мне кажутся интересными две возможности. Одна со-

стоит в том, что позитивисты просто лишены метафизического чувства, точно так же, как люди часто лишены эстетического чувства или чувства юмора. Позитивисты, следовательно, просто завидуют метафизикам, и отсюда и возникает эта установка «зеленого винограда», суть которой в высказывании, «что метафизика есть просто куча бессмыслицы». Другая возможность заключается в том, что позитивисты весьма чувствительны к метафизике, даже *слишком* чувствительны для их собственного комфорта! В самом деле, метафизические вопросы столь близко подходят к их реальным проблемам, что позитивисты держат эти проблемы на расстоянии вытянутой руки простым способом – через объявление их «бессмысленности». Но почему это я должен говорить о таких психологических вопросах, когда среди нас есть профессиональный психолог? Я полагаю, что мы должны послушать о его взглядах на психологию философии.

Психолог: Наверняка, все вы достаточно просвещены в психологии для того, чтобы понять, каковы по-настоящему метафизические вопросы. Рассмотрим, например, один из них – «Откуда я появился и каково мое происхождение?» Разве не ясно, что метафизик проявляет тут свое неосуществленное влечение к инцесту, отягощенное его желанием вернуться в утробу матери? Рассмотрим, например, его последний вопрос, который логически расплывчат, но психологически весьма выразителен: «Что все это значит, в конце концов?» Что это за «все», о котором он хочет узнать? Разве не ясно, что на самом деле все, что он хочет узнать, так это то, на что было бы похоже, если бы он удовлетворил свои Эдиповы желания! Логический позитивист, с другой стороны, испуган своими Эдиповыми привязанностями – и он на самом деле хочет держать мать на расстоянии вытянутой руки и старается избавиться от

своих стремлений к инцесту, провозгласив подобный вопрос «бессмысленным». Таким образом, я сказал бы, что метафизик – это человек, который все еще тоскует по матери, а позитивист – это человек, который старается порвать с матерью.

Оппозиционер: Боюсь, что я не могу упустить случай не согласиться с вами даже в малейшей степени! Этот фрейдистский тип объяснения, хотя он и не является полностью не относящимся к истине, все-таки слишком прост.

Психолог (возбуждаясь): Конечно, объяснение это слишком упрощенно! Все, что подходит слишком близко к нежелательной истине, все, что подходит опасно близко к сокрушению чьих-либо позиций, обычно отвергается как «слишком упрощенное».

Оппозиционер: Мой дорогой сэр, вы можете приберечь этот принудительный тип объяснения для ваших прихожан или «пациентов». Сейчас вы имеете дело со *мною*, и я слишком крут для вас, чтобы испугаться подобного типа аргументации. Как я уже говорил перед тем, как меня прервали, этот тип фрейдистского анализа слишком прост. Я не отрицаю того, что есть весомая взаимосвязь между метафизическим любопытством и сексуальным любопытством. Но было бы ошибкой предположить, что первое есть сублимация второго. Уж если что и является сублимацией чего, то я бы сказал, что второе является сублимацией первого. Метафизическое любопытство, как мне кажется, на самом деле имеет дело с вопросом «Что случится со мной после моей смерти? Исчезну ли я, как мне об этом говорят материалисты? Или же я переживу смерть?» И я полагаю, что вопрос выживания является более важным, нежели вопрос о воспроизведении. Но я хотел бы выслушать, что наш друг Мистик – странно, что он молчит все время – скажет об истинной природе метафизического ис-

следования. Скажи мне, почему ты молчишь? Почему бы тебе не высказаться по этому поводу?

Мистик: А что тут можно сказать?

Оппозиционер: Да что хочешь! Ведь у тебя есть, что сказать?

Мистик: Есть.

Оппозиционер: Очень хорошо, тогда скажи.

Мистик: Сказать что?

Оппозиционер: Сказать все, что ты хотел бы сказать.

Мистик: И что «это»?

Оппозиционер: Что это?

Мистик: Что это то, что я хотел сказать?

Оппозиционер: Откуда я могу знать, что ты хочешь сказать? Если это кто-нибудь и знает, то это ты.

Мистик: Почему?

Оппозиционер: Почему? Да я не знаю, почему! Разве ты не знаешь, что ты хочешь сказать?

Мистик: Знаю.

Оппозиционер: Так почему ж ты не говоришь этого?

Мистик: Почему я не говорю чего?

Оппозиционер: О, ради Бога, мы пошли на новый круг! Говорить с этими мистиками – сплошная зубная боль. Почему вы не можете дать простого ясного ответа на совершенно простой вопрос?

Психолог: Вероятно, неверен твой подход. Я полагаю, что твой исходный вопрос: «Почему ты ничего не говоришь?» звучит высокомерно и покровительственно и вводит мистика в настроение, в котором он не готов к сотрудничеству. Позволь мне заняться им! Все будет в полном порядке. Скажи, что ты думаешь о метафизике?

Мистик: О, заткнись!

Психолог: Хм, оппозиционер был прав; эти мистики временами слишком нервны.

Метафизик (мистику): Согласен ли ты с этими людьми в том, что мои вопросы не имеют смысла? Я не говорю об их когнитивном содержании, или эмоциональном их значении, художественном значении, или же символическом значении, наконец, сексуальном или психоаналитическом значении. Я говорю тут о реальном значении. Неужели в моих разговорах нет никакого смысла?

Мистик: Конечно, в том, что ты говоришь, есть смысл! Для меня в твоих утверждениях гораздо больше смысла, чем в утверждениях остальных. Кто в здравом уме мог бы хотя бы на момент усомниться в том, что твои вопросы не только осмысленны, но и по своей природе в высшей степени важны для человечества?

Практический человек: Многие здесь из нас сомневаются в этом.

Мистик: Это не противоречит тому, что я сказал.

Психолог: Как можешь ты, мистик, допускать какой-то смысл в метафизике? Разве Будда не отверг в явном виде метафизические вопросы как несущественные для проблемы спасения или просветления?

Мистик: Из того, что Будда не любил метафизики, должно ли следовать, что я тоже не должен любить ее? Или просто потому, что я поименован тобой *мистиком*, я не могу, с твоей точки зрения, иметь собственного мнения?

Нет, для меня проблема Просветления и проблема разрешения метафизических проблем являются одним и тем же. У меня нет никакого сомнения, что вопросы метафизика являются подлинными и представляют огромную важность. В то же время верно и то, что сказал практический человек: метафизики занимаются своим делом тысячи лет, и все-таки не доказано ни одного факта относительно философии. Их спекуляции не привели к каким-либо определенным ответам. Но я полностью расхожусь с логическим

позитивистом, что сам этот факт есть указание на то, что ответы на метафизические вопросы и не будут найдены. Ирония тут заключается в том, что ответы уже известны. И метафизикам они известны не в большей степени, чем всем остальным.

Оппозиционер (в изумлении): Ты говоришь, ответы известны каждому?

Мистик: Да. Но, к несчастью, только на бессознательном уровне. Главные усилия человечества направлены на то, чтобы вывести эти воспоминания на уровень сознания.

Психолог: Ты действительно веришь, что дело аналогично обладанию прошлой памятью?

Мистик: Да, я считаю, что эта аналогия в высшей степени точна. И в этом причина того, что философы терпят неудачу. Они пытаются использовать объективные методы для выяснения того, что может быть известно только лишь через процесс типа прямого воспоминания. Я хочу использовать тут аналогию с двумя людьми, которые стараются припомнить прошлое событие. Один из них – напоминающий «объективного» философа – старается проделать это за счет сбора внешней информации. Он расспрашивает людей, ищет соответствия, отгадывает внешние «ключи» и т.п. Другой тип, аналогичный так называемому «мистик», просто прочесывает свои мозги до тех пор, пока прямо не вспомнит, что было. Человек в состоянии гипноза может вспомнить события своего самого раннего детства, чего он никогда не смог бы сделать посредством внешнего или объективного исследования. Интроспективные методы мистики во многом схожи с гипнозом и не менее надежны в раскапывании ценных данных. Таким образом, утверждаю я, метафизик подобен объективному исследователю, который просто не имеет достаточно данных в своем распоряжении для получения ответов на свои вопросы, в то

время как мистик подобен тому, кто получает ответы через прямое воспоминание.

Метафизик (печально): Так ты полагаешь, что все метафизические спекуляции человеческого рода полностью тщетны?

Мистик: О, вовсе нет! Иногда абсолютно необходимо биться об стену головой, пытаюсь использовать объективные методы, которые не приведут к какому-либо результату, пока вдруг не будет видна необходимость прямых интроспективных методов. Метафизика по сути представляет собой один гигантский коан, но не для отдельного человека, а для всей человеческой расы как целого, коан, чья цель состоит в том, чтобы заставить понять невозможность метафизических методов для дальнейшего исследования. Другими словами, метафизика представляет собой необходимый процесс созревания человеческой расы для того, чтобы подготовить ее к мистицизму. Так что не следует думать, что метафизический процесс не служит никакой цели. Наоборот, он служит очень важной цели.

Оппозиционер: Все это очень хорошо, весь этот разговор об интроспективных методах, прямой памяти и гипнозе. Но какие можно дать гарантии того, что все эти методы надежны? Воспоминания, не подтвержденные объективными данными, весьма уязвимы. И определенно, мы не знаем достаточно о гипнозе для того, чтобы доверять детским воспоминаниям, которые всплывают в такой ситуации.

Психолог: Я должен заявить о своем с тобой несогласии.

Оппозиционер: Ну ты, может быть, знаешь достаточно, чтобы доверять этим методам, но я не обладаю такими познаниями. Меня никогда нельзя убедить, почему воспоминания – особенно в гипнотическом состоянии – не могут оказаться на самом деле фантазиями или ложной памятью.

Психолог: У нас на этот счет имеется много экспериментальных свидетельств, и нам ясно, что можно доверять гипнотическому методу.

Оппозиционер: Ну хорошо, может быть мне не надо было вступать в спор с тобой по вопросу о гипнотизме. Но может быть, ты разделишь мой скептицизм по поводу так называемого «мистического прозрения»?

Психолог: Конечно же, я разделяю твой скептицизм.

Оппозиционер (*мистику*): Но можно ли винить нас в том, что мы скептики? Почему мы должны принимать на веру твои мистические заявления?

Мистик: Для этого у вас нет никаких причин! Ваш скептицизм является наиболее существенной частью процесса созревания до той точки, где вы будете видеть вещи непосредственно.

Оппозиционер: Ну не надо! Неужели ты думаешь, что я проглочу всю эту чепуху?

Мистик: Нет, я так не думаю. К счастью, или наоборот, но так случается, что часто меня вовлекает в такое состояние, когда я знаю, что обладаю истиной, но при этом я знаю, что эта истина будет целиком отвергнута. Однако я хорошо знаю и то, что иногда резкое отвержение истины является абсолютно необходимым обстоятельством для окончательного ее осознания.

Пожалуйста, не думай, что скептические аргументы представляют для меня какую-то новость! Я прекрасно понимаю твои чувства, поскольку долгое время я испытывал точно такие же сомнения – и даже, быть может, более сильные. В течение двадцати лет я изучал философию так же прилежно, как и обычные философы, и пописывал статьи в защиту чисто объективных методов исследования в противоположность так называемым «субъективным». И только в результате интенсивных подобного рода занятий с объективностью я созрел до такой степени, где я понял абсолютную необходимость более субъективного подхода. Нельзя сказать, что я объективно пришел к мысли

о ценности субъективного подхода; скорее, изменения, со мной происшедшие, стали результатом процесса, суть которого я могу объяснить не больше, чем рост дерева. Я надеюсь, ты поймешь, что я имею в виду. Вполне может случиться так, что человек начинает с чисто объективного подхода, а потом объективно приходит к заключению, что субъективный подход лучше. Но это не то, что случилось со мной. Я начинал как философ и ученый и никак не доверял субъективности. Затем наступил день, когда я понял, не объективно, а чисто субъективно значение субъективности – или же, более точно, прямого проникновения в реальность.

Оппозиционер: Все это прекрасно. Я не сомневаюсь, что ты веришь во все это. Единственный вопрос – почему я-то должен верить во все эти вещи?

Мистик: А я стараюсь указать тебе, что нет никаких причин для того, чтобы тебе верить во все эти вещи. Дело-то заключается не в том, должен ты верить или нет, а в том, веришь ты или нет.

Я надеюсь, ты не считаешь, что я настроен столь нереалистично, чтобы ожидать от всего человечества готовности следовать по пути мистицизма! У меня абсолютно нет сомнений в том, что однажды, но никак не ранее, время для этого придет. И не верьте всяким там «мистикам», говорящим вам о том, что вы *должны* – при этом они стараются убедить себя больше, чем вас. Спорить с кем-либо о том, должен ли он следовать по пути мистицизма, так же глупо, как убеждать незрелое яблоко, что пришло время ему падать с дерева. Когда яблоко будет готово к этому, не надо будет говорить ему о том, что оно должно упасть; это произойдет совершенно спокойно в согласии с его собственной природой.